

ОТ МАШИН УДОВОЛЬСТВИЯ К МОРАЛЬНЫМ СООБЩЕСТВАМ¹

(РАЗМЫШЛЕНИЯ НАД НОВОЙ КНИГОЙ
ДЖЕФФРИ ХОДЖСОНА)

ЕФИМОВ ВЛАДИМИР МАКСОВИЧ,

*доктор экономических наук,
ЦЭМИ РАН,
Docteur en Etudes du Développement,
Женевский университет,
независимый исследователь,
e-mail: vladimir.yefimov@wanadoo.fr*

Сейчас в России экономисты сильно влияют на политический дискурс, поставляя через курсы "экономической теории" и "институциональной экономики" очень вредные концептуальные заготовки для политического дискурса. В статье предлагается кардинально изменить эти курсы так, чтобы взамен своекорыстия экономического человека, рассмотрения социальных отношений исключительно через призму обмена, общества и сообществ как фикции, государства как бандита и оппортунистического поведения как нормы, они давали бы студентам совершенно другие образы социально-экономических взаимодействий. Дискурсивная парадигма в экономике, основы которой были заложены Джоном Коммонсом, позволяет по-другому взглянуть на институты, трансакции, контрактные отношения, собственность, предприятия и институциональные изменения, а современная философия коммунитаризма (Майкл Сэндел, Аласдер Макинтайр, Чарльз Тейлор) и исторический, дискурсивный и конструктивистский институционализм в политической науке (Теда Скочпол, Вивьен Шмидт, Колин Хэй) делают возможным по-иному трактовать государство, право и гражданское общество. Статья призывает вернуть дисциплину институциональной экономики на гуманистические позиции ее основателей и подвергнуть резкой критике так называемые «новую институциональную экономическую теорию» и «новую политическую экономию». Автор, вслед за Джоном Дьюи, предлагает экономистам питать результатами своих эмпирических исследований расширенный политический дискурс, в который будут вовлечены широкие слои общественности. Среди этих эмпирических исследований центральную роль должен играть институциональный мониторинг, осуществляя который, экономическая наука выступает в ее онтологически и эпистемологически адекватной для понимания социально-политико-экономической реальности форме дискурсивной парадигмы.

Ключевые слова: мораль, сообщество, дискурс, Шмоллер, Коммонс, экономическая дисциплина как философия и как наука, реформа экономической дисциплины.

¹ Большое спасибо В. В. Вольчику, Л. С. Гребневу, В. С. Мартыанову, С. В. Патрушеву, В. Т. Рязанову и Л. Г. Фишману за замечания и комментарии по разным версиям статьи.

FROM PLEASURE MACHINES TO MORAL COMMUNITIES (REFLECTIONS ON A NEW BOOK BY JEFFREY HODGSON)

YEFIMOV VLADIMIR, M.,

PhD,

Central Economics and mathematics Institute of RAS,

Docteur en Etudes du Développement,

University of Geneva,

independent researcher,

e-mail: vladimir.yefimov@wanadoo.fr

Academic economists have a strong influence on political discourse in Russia by delivering through courses of "Economic theory" and "Institutional economics" very harmful conceptual elements for political discourse. This article proposes to change radically these courses in such a way that, instead of self-interest of the economic man, consideration of social relations exclusively through the prism of exchange, society and community as fictions, the state as a bandit and the opportunistic behavior as a norm, they would provide students with very different images of socio-economic interactions. Discursive paradigm in economics, the foundations of which were laid by John Commons, allows us to take another look at the institutions, transactions, contractual relationships, property, enterprises, and institutional change, and the contemporary communitarian philosophy (Michael Sandel, Alasdair Macintyre, Charles Taylor) and the historical, discursive and constructivist institutionalism in political science (Theda Skocpol, Vivien Schmidt, Colin Hay) make it possible to have different interpretations of the state, law, and civil society. This article calls for a return of institutional economics to the humanistic position of its founders and for a strong critic of the so-called "new institutional economics" and "new political economy". The author, following John Dewey, proposes to economists to feed by the results of their empirical research an enlarged political discourse, which will involve the general public. Among these empirical studies the institutional monitoring should play a central role. Performing institutional monitoring means doing research in the framework of the discursive paradigm, which is ontologically and epistemologically the adequate form of research for understanding the socio-economic-political realities.

Keywords: *morality, community, discourse, Schmolter, Commons, economic discipline as a philosophy and as a science, reform of economic discipline*

JEL: *B52, C91, D03.*

Morality Matters²

Прежде всего я хочу отметить, что название новой книги Джеффри Ходжсона «От машин удовольствия к моральным сообществам: Эволюционная экономика без Homo Economicus» (Hodgson, 2013) просто великолепно. Традиционный «экономический человек» охарактеризован здесь как индивид с поверхностными ценностями, недостаточной нравственностью и чувством долга, то есть как лишенная важнейших человеческих черт машина, а именно «машина удовольствия» (Р. 10)³. На смену этой машине в экономической дисциплине должен прийти не индивид, пусть и с другими, более человеческими качествами, а сообщество,

² Мораль имеет значение.

³ Здесь и далее при указании страниц без ссылки на источник имеется ввиду рассматриваемая в этой статье книга (Hodgson, 2013).

причем сообщество моральное. Эта работа Ходжсона является его шестнадцатой книгой. Свою первую книгу, озаглавленную «Троцкий и фаталистический марксизм» (*Hodgson, 1975*), которая по признанию Тони Лоусона оказала на него влияние (*Dunn, 2009. P. 481*), автор посвятил «всем тем, кто с волей и мужеством боролся за социалистическое будущее» (*Hodgson, 1975. P. 4*). Появление новой книги Ходжсона явно свидетельствует о том, что ее автор сохранил свою устремленность молодости к размышлениям о лучшем социальном устройстве. После выхода книги 1975 года Ходжсон был вовлечен в марксистскую тематику⁴, по крайней мере еще с десятков лет, но в 1988 году, как раз за год до падения Берлинской стены, выходит его книга «Экономическая теория и институты» (*Ходжсон, 2003*), благодаря которой он и становится известным, в том числе и в России. С этой поры Джеффри Ходжсон переходит от революции к эволюции, с преимущественным переключением с Маркса на Дарвина и Веблена, поскольку именно Веблен ратовал за эволюционную экономическую науку (*Веблен, 2006*).

В одной из моих предыдущих статей (*Ефимов, 2007*) я посвятил целый раздел критике эпистемологических позиций Джеффри Ходжсона и распространяемых им мифов относительно исходного американского институционализма Джона Коммонса и историко-этической школы Густава Шмоллера. Онтологические и эпистемологические позиции исследователя реальных экономических процессов являются решающими для познавательного успеха его исследовательских практик. В той статье я не затрагивал онтологических позиций Джеффри Ходжсона, поскольку я во многом был с ними согласен. За редким исключением Ходжсон не проводит исследований конкретных экономических явлений и является скорее философом, чем исследователем экономических практик. Конечно, его эпистемологические убеждения негативно влияют на его исследования в области истории экономической мысли (*Hodgson, 2001; 2004*), однако в своей последней книге Ходжсон выступает в значительной степени как социальный философ, а не как философ науки, и как таковой автор делает здесь существенный прогресс. В ней он по существу продолжает традицию, ранее критикуемой им историко-этической политической экономии Густава Шмоллера (*Nau, 2000*). Основную идею книги автор сформулировал следующим образом: «Имеется растущий спрос на то, чтобы экономисты стали принимать мораль всерьез, причем не только в теории индивидуальной мотивации, но и в их собственном поведении»⁵ (Р. XIV).

Россия в поисках утопий

Я думаю, что значение новой книги Ходжсона нужно оценивать ее наложением на более раннюю его книгу «Экономика (economics) и утопия. Обучающаяся экономика (economy) не есть конец истории» (*Hodgson, 1999*). В

⁴ См., например, его книгу «Капитализм, стоимость и эксплуатация. Радикальная теория», которую он посвящает уже не борцам за социализм, а своим учителям (*Hodgson, 1982, P. V*).

⁵ Мне думается, что на автора явно повлиял документальный фильм «Внутреннее дело» (*Inside Job*), на что указывает его ссылка на этот фильм (Р. XIV). Фильм «Внутреннее дело», представляющий собой журналистское расследование причин возникновения финансового кризиса в США, был удостоен в 2011 г. «Оскара» в номинации «Лучший документальный фильм». Этот фильм с русским переводом размещен здесь: (<http://video.yandex.ru/users/sheherazade/view/20/>). Диск с этим фильмом распространялся в России под названием «Инсайдеры».

этой книге также достаточно много говорится о морали, но центральным ее понятием является утопия, определяемая как социально-экономическая реальность, которая, с одной стороны, не существует, но, с другой стороны, существование ее объявляется кем-то желательным (*Ibid.*, Р. 4). Так определяемое понятие утопии не сводится только к утопическому социализму, а может быть применено к любому проекту социально-политико-экономического устройства, кем-либо предложенному. Всеохватывающий, саморегулирующийся, гармоничный рынок также является утопией, в разработку которой внесло вклад большое количество экономистов и которую французский политолог Пьер Розанваллон назвал утопическим капитализмом (*Розанваллон, 2007*). Россияне на протяжении 70 лет испытывали на себе попытку реализации марксистской коммунистической утопии, и вот уже более 20 лет российская элита следует в своей деятельности канонам утопического капитализма. Граждане России в своем большинстве разочаровались как в одной, так и в другой из этих утопий.

По словам политологов из Екатеринбурга В. С. Мартьянова и Л. Г. Фишмана, Россия в настоящее время находится в поисках утопий (*Мартьянов и Фишман, 2010*). Подзаголовок их книги указывает, в каком направлении нужно искать эти утопии: «От морального коллапса к моральной революции». Новая книга Ходжсона, по существу, говорит о том же самом, основным объектом атак в которой является «экономический человек», которого уральские политологи применительно к российской действительности характеризуют следующим образом: «В чистом виде «экономический человек» склонен к упрощению реальности (поэтому предпочитает иметь дело скорее со сферой финансов, нежели производства), общество для него не организм, а механизм, условности морали и культуры ему нередко мешают и потому он входит в группу риска, скатывающуюся к криминалу. Подчинение социальным нормам для членов этой группы не императивно, а является результатом «взвешивания» при оптимизации. Иными словами, если «экономический человек» имеет возможность избежать наказания, он пойдет на нарушение закона и будет считать это всего лишь рациональным поведением... Отношения с другими «экономический человек» строит на принципе доминирования, как особь в стае. И со стаей таких же особей он готов броситься в том направлении, в котором разворачивается в настоящее время экономическая конъюнктура. Вся его рациональность служит тому, чтобы вовремя сообразить, в какую сторону бежит стадо... Данная модель дает нам крайнего индивидуалиста — «максимизатора» целевой функции. Более того, она дает пассивного «максимизатора», поскольку в рамках данной модели человеку не нужно заниматься целеполаганием и/или создавать свой индивидуальный план действий. Набор альтернатив также во многом предрешен рынком и универсальностью целевой функции, что приводит к полному детерминизму в поведении «экономического человека», его подчинению внешней воле обстоятельств» (*Мартьянов и Фишман, 2010. С. 15-16*). Что это, результат наблюдений авторами российской действительности или отрывок из реферата по курсу институциональной экономики написанный на основе российских учебников (*Аузан, 2011; Одинцова, 2009*), сказать трудно, однако можно достоверно утверждать, что такие учебники неизбежно оказывают влияние на студентов способствуя их превращению в «экономических людей»⁶.

Нужно признать, что российские университетские экономисты, работающие на кафедрах политической экономии, переименованных затем в

⁶ Ниже в разделе «Справедливость, машины удовольствия и торговое общество» этой статьи будут охарактеризованы результаты экспериментальных исследований на эту тему.

кафедры экономической теории, специализируются на преподавании утопий. Я думаю, что относительная безболезненность перехода от преподавания марксистской политической экономии к неоклассическому экономикс именно этим и объясняется: навык в преподавании утопий у преподавателей политической экономии уже был, а какую утопию преподавать – это уже второй вопрос. Для многих политэкономов единственной трудностью в переходе на неоклассику было их слабое владение математикой. И здесь на помощь пришли люди, которые имеют исходное базовое математическое образование и которые, по той или иной причине, предпочли карьеру экономиста. Утопия, выраженная в формулах, а не естественным языком, не перестает быть утопией, несмотря на свои математические одежды. Явление прихода российских математиков в экономику было повторением аналогичного явления в США несколько десятков лет ранее. В послевоенное время, благодаря усилившимся контактам в США между сообществом математиков и сообществом экономистов (Weintraub, 2002), экономисты перенесли на свою дисциплину многие убеждения математиков, во многом отдалившихся от физики. Культуры этих двух сообществ были вполне совместимы, и результатом стало «обогащение» культуры сообщества экономистов культурой сообщества математиков. Последняя – характеризуется, в частности, отсутствием обязательности и необходимости непосредственной связи своих теоретических (математических) построений с реальностью (Леонард, 2006. С. 276). Такая культура возникла под влиянием группы французских математиков, которые публиковывали свои книги под псевдонимом Николя Бурбаки. Они пытались построить всю математику на основе аксиоматического метода, который они понимали следующим образом: «Аксиоматический метод, собственно говоря, есть не что иное, как искусство составлять тексты, формализация которых легко достижима. Он не является новым изобретением, но его систематическое употребление в качестве инструмента открытий составляет одну из оригинальных черт современной математики. В самом деле, и при записи, и при чтении формализованного текста совершенно несущественно, приписывается ли словам и знакам этого текста то или иное значение или даже не приписывается никакого, — важно лишь точное соблюдение правил синтаксиса» (Бурбаки, 1965. С. 24). Рой Вайнтрауб и Филип Майровски блестяще показали, «как бурбакистская школа математики быстро мигрировала в неоклассическую математическую экономику». Это пересечение дисциплинарной границы установило для экономистов внушительное здание вальрасовской теории общего равновесия в качестве ориентира для высокой теории в экономике на протяжении последующих четырех десятилетий (Weintraub and Mirowski, 1994. P. 246).

Жерар Дебре, обученный во Франции одним из членов группы Бурбаки, послужил «трансокеанским семечком» для прикладной математики, вдохновленной бурбакизмом, которое "пустило корни и расцвело в послевоенной американской среде» (Ibid., P. 248). «Почвой, подготовленной для посева» такого «семечка» в экономической дисциплине, была Комиссия Коулза по исследованиям в экономике⁷, многие сотрудники которой пришли в нее из физики (Ibid., P. 249). Среди работников этой организации и был француз Жерар Дебре. По Вайнтраубу и Майровски,

⁷ Комиссия Коулза по исследованиям в экономике представляла собой научно-исследовательский институт, основанный и финансируемый бизнесменом Альфредом Коулзом (Alfred Cowles). Американский политолог Соня Амадэ в своей книге «Логическое обоснование капиталистической демократии. Истоки либерализма рационального выбора в холодной

«Дебре хотел, чтобы его “Теория ценности” была бы прямым аналогом “Теории множеств” Бурбаки», «в интерпретации Дебре, теория общего равновесия, таким образом, утрачивает свой статус “модели”, чтобы стать самодостаточной “формальной структурой”». Цель состояла уже не в том, чтобы представить экономику, как бы это представление ни понимать, а в кодификации самой этой неуловимой сущности, вальрасовской системы» (*Ibid.*, P. 265). Комитет по премии Центрального банка Швеции (Sveriges Riksbank) в области экономических наук памяти Альфреда Нобеля⁸ объявил, что Жерар Дебре доказал, что «рынок работает автоматически», на что лауреат премии отреагировал фразой: «Извините, но я не имел этого ввиду» - “Sorry, I did not mean that” (*Düppe*, 2010. P. 30). Выдающийся российский математик Владимир Игоревич Арнольд выступал с резкой критикой бурбакизма (*Арнольд*, 2002). Он считал, что «современное формализованное образование в математике опасно для всего человечества» (*Арнольд*, 2000). Бурбакизм сильно повлиял на экономический мейнстрим, который, как показал экономический кризис, разразившийся в 2007 г., также опасен для всего человечества.

Филип Дэвис и Рубен Херш провели антропологическое изучение деятельности математиков-теоретиков (*Davis and Hersh*, 1981) и пришли к выводу, что они разделяют следующие убеждения: «красота - важный критерий теоретических построений», «математика является универсальным языком глубокого научного исследования природы и общества, и развитые науки должны использовать математику, отсутствие ее применения говорит об их незрелости», «не нужно особенно беспокоиться, если нет большой связи между теоретическими построениями и реальностью, так как научное исследование есть игра аксиомами и правилами выводов». Экономисты-теоретики впитали в себя эти убеждения математиков. С самого начала постсоветских преобразований экономической дисциплины была поставлена ложная и вредная цель «интеграции в международное научное сообщество» без какой-либо углубленной рефлексии относительно западного, прежде всего американского, сообщества экономистов, суть которого четко выразили

войне» (*Amadae*, 2003) свидетельствует о том, что экономическая наука, развиваемая ведущими сотрудниками этого института, обслуживала нужды холодной войны. Марксистская политическая экономия в Советском Союзе, которая не использовала математики, также обслуживала холодную войну. Конфронтация двух версий экономической дисциплины, объединяемых тем, что основная задача каждой из них состояла в том, чтобы быть носителями определённых утопий-идеологий (по отношению к экономике об этом прекрасно писал Хайлбронер (*Хайлбронер*, 1993. С. 53–54), закончилась полной победой американской версии экономической «науки».

⁸ Обычно её называют “Нобелевской премией по экономике”, но в действительности она не имеет ничего общего с завещанием Альфреда Нобеля, семья которого, а также ряд лауреатов Нобелевской премии и ученых протестовали против этого перенесения авторитета Нобелевской премии на экономику. (<http://www.hazelhenderson.com/2006/10/30/the-cuckoos-egg-in-the-nobel-prize-nest-october-2006/>). Мы можем даже предположить, что наиболее выдающиеся промоутеры неолиберализма были удостоены этой награды за свою деятельность в качестве президентов Общества Монт-Пелерэн, которое было нацелено на то, чтобы превратить университеты в площадки преподавания, коллективного изучения либеральной доктрины и ее продвижения в жизнь (*Mirowski and Plehwe*, 2009. P. 5). Так, Фридрих Хайек был президентом этого общества в 1947-1961 гг. и стал лауреатом Нобелевской премии 1974 года; Милтон Фридман - президент общества в 1970-72 гг., лауреат Нобелевской премии 1976 года; Джордж Стиглер - президент в 1976-1978 гг., лауреат Нобелевской премии 1982 года; Джеймс Бьюкенен - президент в 1984-86 гг., лауреат Нобелевской премии 1986 года; Гэри Беккер - президент в 1990-1992 гг., лауреат Нобелевской премии 1992 года.

Пол Кругман («приняли красоту, одетую во впечатляюще выглядящую математику, за правду» (New York Times, September 2, 2009)) и Джозеф Стиглиц («самые активные участники группы поддержки капиталистического свободного рынка» (Стиглиц, 2011. С. 288)).

В своей последней книге Ходжсон указывает направление альтернативное и коммунистической, и капиталистической утопиям, а именно: развитие утопии общества как совокупности «моральных сообществ». В ней он дает ряд ссылок на Густава Шмоллера и Джона Коммонса, где указывает на их связь с этой утопией. Большого внимания заслужил у него философ-прагматист Джон Дьюи, однако также намного меньше, чем могло бы быть в книге, озаглавленной «От машин удовольствия к моральным сообществам». Ведь именно Дьюи предлагал превратить «великое общество» в «великое сообщество» (Дьюи, 2002. С. 104). Дьюи очень сильно повлиял на американский институционализм и в его методологии исследований, и в его нацеленности на реформирование капитализма. Я уже призывал российских экономистов освоить идеи основателя прагматизма Чарльза Пирса и связанного с ними исходного американского институционализма и следовать по его стопам (Ефимов, 2007; 2011a; 2011b), а теперь, в каком-то смысле вместе с Джеффри Ходжсоном, я приглашаю экономистов освоить богатое идейное наследие Дьюи, в том числе и его социальную утопию, которая приняла в настоящее время форму концепции дискурсивной (делиберативной) демократии и дискурсивной этики. Вместе с концепцией дискурсивной экономики (Балацкий, 2012) они образуют «дискурсивную тройку», о которой пойдет речь в предпоследнем разделе этой статьи. Я надеюсь, что утопия дискурсивной тройки заслуживает рассмотрения в качестве кандидата на утопию, в которой нуждается Россия.

Два вида мировоззрений и два типа экономических философий

Ходжсон является сейчас не единственным известным экономистом, который обращает внимание на мораль и сообщества. В своей недавно вышедшей книге «Цена цивилизации» американский экономист Джеффри Сакс утверждает, что «в основе экономического кризиса, переживаемого Америкой, лежит моральный кризис: упадок гражданской добродетели среди американской политической и экономической элиты» (Сакс, 2012. С. 11). В 1990-е годы он активно участвовал в навязывании России политики экономических преобразований, основанной на магистральной экономической теории, которая игнорирует понятие социальной ответственности. Сейчас Сакс утверждает, что «без возрождения духа социальной ответственности осмысление и устойчивое восстановление экономики невозможно» (Сакс, 2012. С. 11). Он пишет: «Американское общество стало жестким, агрессивным, а элиты Уолл-стрит, нефтяные магнаты и ведущие политики в Вашингтоне проявляют самую высокую степень безответственности и эгоистичности. Когда мы поймем этот объективный факт, мы сможем приступить к переформатированию нашей экономики» (Сакс, 2012. С. 18, 19). Гарвардский профессор экономики Стефен Марглин в своей книге «Зловещая наука. Как мышление, порожденное экономистами, подрывает сообщество» (Marglin, 2008) показывает, что такое мышление подрывает истинно человеческие отношения между людьми, т.е. такие отношения, которые и отличают их от животного мира. Вместе с подрывом существования сообществ подрывается и

мораль, которая в них поддерживается, обесцениваются такие понятия, как порядочность, долг и ответственность. Несмотря на свою любовь к определениям, Ходжсон в рассматриваемой книге не дает определения понятию «сообщество» (community), которое фигурирует в ее названии. Вот как Марглин объясняет это понятие: «Для меня отличительной чертой сообщества является то, что оно предоставляет своего рода клей, связывая отношения людей, что дает форму и вкус жизни. Тем самым сообщество зависит от ограничений и обязательств, которые превосходят расчет индивидуальной полезности ... [В]озможно ли построить сообщество, которое предоставляет глубокие человеческие связи и в тоже время сохраняет достаточное пространство для индивидуального разнообразия [...] ... [М]ы никогда не найдем ответа на этот вопрос до тех пор, пока мы останемся ослепленными определенной идеологией, а именно идеологией рынка, которая делает сообщество невидимым» (*Ibid.*, P. 20).

Профессор политической философии того же Гарвардского университета Майкл Сэндел посвятил свою недавнюю книгу также этому вопросу (*Sandel, 2012*). Эта книга под названием «Чего нельзя купить за деньги. Моральные пределы рынка» во многом противостоит популярному учебнику гарвардского профессора экономики Грегори Мэнкью «Принципы экономики» (*Мэнкью, 2007*)⁹. Сэндел заявил, что «если бы я управлял миром, то переписал бы учебники экономической теории» следующим образом: «Я бы отказался от претензии, что экономика является независимой, ценностно-нейтральной наукой, а вновь связал бы ее с ее корнями в моральной и политической философии. Классическая политическая экономия в XVII-м и XVIII-м веках, от Адама Смита до Карла Маркса и Джона Стюарта Милля, правильно рассматривала экономическую теорию как раздел моральной и политической философии. В XX-м веке экономика отошёл от этой традиции, определив себя как автономную дисциплину, стремящуюся к строгости естественных наук. Мнение о том, что экономика представляет собой ценностно-нейтральную науку о человеческом поведении, является невероятным, но все более и более влиятельным»¹⁰. Дух экономических учебников, которые Сэндел санкционировал бы в случае, «если бы он управлял миром», можно себе представить, зная, с одной стороны, что они составят раздел моральной и политической философии, а, с другой стороны, какое направление современной политической философии представляет сам Сэндел. Таким направлением является «коммунитаризм», от английского слова community, что означает «сообщество».

Коммунитаристское направление в обществоведении объединяет группу философов, политологов и социологов, «озабоченную упадком морали и недовольную проводимой политикой». Видным представителем этого движения и является Майкл Сэндел: «Индивид в либерализме, полагает он, ничем не обременен, а потому может занять важную позицию за пределами сообщества, частью которого он является, определять и пересматривать свои цели, не оглядываясь на унаследованные традиции или разделяемые с

⁹ Студенты Гарвардского университета, которым Мэнкью читает курс лекций по «Экономике 10», ушли с занятий, объяснив это тем, что «этот курс не отражает реалий и не дает базы для понимания экономических основ жизни общества и социальных проблем!» (<http://forum-msk.org/material/news/7730342.html>).

¹⁰ См.: (<http://www.prospectmagazine.co.uk/magazine/if-i-ruled-the-world-michael-sandel/>).

другими цели. Он руководствуется правами и обязанностями сформулированными абстрактно» (Алексеева, 2000. С. 181, 182). Сэндел считает такое утверждение ложным, так как наши цели мы не столько выбираем, сколько «открываем, в силу своей укорененности в некотором общем социальном контексте», и политика общего блага, проводимая государством¹¹, «выражая эти общие конституирующие нас цели, дает нам возможность знать благо сообщества, которое нельзя знать в одиночку» (Кимлика, 2010. С. 292). Сэндел утверждает, что «ценности сообщества не просто одобряются его членами, но определяют их идентичность». Совместное следование цели сообщества является не выбором его членов, а определяется их привязанностью этому сообществу, причем цель эта является составной частью их идентичности (Кимлика, 2010. С. 294).

Другим видным лидером коммунитаристского движения является израильско-американский социолог Амитай Этциони. Он, также как и Майкл Сэндел, резко отрицательно относится к неоклассическому экономикс, лишенному «моральной размерности» (Etzioni, 1988). По его мнению, «акторы неоклассического мира не способны действовать свободно, в то время как индивиды, включенные во всесторонние и стабильные отношения, сплоченные группы и сообщества, значительно больше способны осуществлять разумный выбор, выносить суждения и быть свободными» (Ibid., P. 10). Вместо старого золотого этического правила «веди себя по отношению к другим людям так, как они, на твой взгляд, должны вести себя по отношению к тебе», он предложил новое: «уважай и поддерживай нравственный порядок в обществе, если хочешь, чтобы общество уважало и поддерживало твою независимость» (Этциони, 1999. С. 317). При этом «новое золотое правило требует, чтобы разрыв между индивидуальными предпочтениями и социальными обязательствами сокращался за счет расширения сферы нравственной ответственности людей; речь идет не об обязательствах, навязываемых силой, а об ответственности, воспринимаемой человеческим долгом, ибо человек полагает, что она возложена на него совершенно справедливо» (Этциони, 1999. С. 321-322). В отличие от идеологии индивидуализма, где центральным элементом является требование свободы личности, для идеологии коммунитаризма характерно требование сбалансированности между независимостью личности и добровольным порядком, построенном на разделяемых ценностях. При этом важно, чтобы «сама же независимость личности была отнюдь не беспредельной, а имела социальные границы и вписывалась в контекст общественных ценностей» (Этциони, 1999. С. 333). Этциони применяет коммунитаристский подход к социальным системам любого уровня, в том числе и к международным отношениям (Этциони, 2004). К сожалению, Джеффри Ходжсон, посвятив несколько страниц своей книги Этциони, совсем не коснулся его коммунитаристских идей. Коммунитаризма нет в предметном указателе к книге, и Майкл Сэндел в ней даже не упоминается¹².

¹¹ «Общее благо [в коммунитарном обществе] не выверяется в соответствии с системой предпочтений людей, но само является стандартом, по которому оцениваются эти предпочтения ... Коммунитарное государство может и должно поощрять людей принимать концепции блага, согласующиеся с образом жизни сообщества и препятствовать концепциям блага, конфликтующим с ним» (Кимлика, 2010. С. 287).

Коммунитаризм как направление политической философии основывается на том же виде мировоззрения, что и исторический, дискурсивный и конструктивистский институционализм в политологии, который я характеризовал как продолжение институционализма Густава Шмоллера и Джона Коммонса (Ефимов, 2011б. С. 39-42). В той статье мое внимание было приковано преимущественно к исследовательским практикам, и соответственно я апеллировал прежде всего к философии науки. Но к институционализму Шмоллера и Коммонса можно подойти и с точки зрения социальной философии, то есть рассматривая их экономические философии, которые можно назвать их политической экономией. Volkswirtschaftslehre Шмоллера вполне можно перевести не только как «экономическая наука», но и как «политическая экономия», что и сделано во французском переводе его пятитомного фундаментального труда *Grundriss der Allgemeinen Volkswirtschaftslehre* (Schmoller, 1905–1908). Подназвание книги Коммонса «Институциональная экономика» также говорит само за себя: «Ее место в политической экономии» (Commons, 1934). Если в своих предыдущих книгах (Ходжсон, 2003; Hodgson, 2001; 2004) Ходжсон в значительной степени отрицательно относился к этим двум школам, то в своей новой книге он обращается к Шмоллеру и Коммонсу исключительно для подкрепления своих утверждений. Конечно, на мой взгляд, тематика, рассматриваемая в книге, требует значительно большего внимания к этим авторам.

Так, Шмоллер прямо связывал понятие института с понятием сообщества: «Под политическим, юридическим, экономическим институтом мы понимаем служащий определенным целям порядок жизни сообщества (выделено мною, В.Е.), достигнутый на некоторый момент времени, который служит рамками и формой для действий следующих друг за другом поколений» (Schmoller, 1920. P. 61). *Институты и социальные организации* представлялись ему «как наиболее важный результат моральной жизни, как ее кристаллизация (выделено мною, В.Е.)» (Ibid.). По Шмоллеру, когда мы говорим об определенном институте, речь идет о «наборе привычек и правил морали, обычаев и норм права, связанных между собой и имеющих общую цель, образуя таким образом определенную систему, которая осваивается членами сообщества в результате практического и теоретического обучения, и, являясь прочно укоренившейся в жизни сообщества, эта система, как типичная форма действия, вовлекает в себя все его живые силы» (Ibid., P. 61-62). Да и сама школа Шмоллера во время своего существования называлась не исторической, как это принято говорить сейчас, а этической (Хайек, 2005. С. 14) или историко-этической (Nau, 2000). Спор о методах (Methodenstreit) касался не только исследовательских практик (методов исследования), но и двух противоположных видов мировоззрения, а следовательно, и двух разных типов экономических философий (Шмоллер, 2011).

Политическая экономия Коммонса основывается на том же виде мировоззрения, что и политическая экономия Шмоллера. Введя понятие транзакции, Коммонс понимал ее, как единицу деятельности, в которой экономика соединяется с правом и этикой (Commons, 1932). Индивиды, по

¹² В книге есть ссылка (Р. 6) на работу (Макинтайр, 2000) другого представителя коммунитаризма – Аласдера Макинтайра.

Коммонсу, взаимодействуют друг с другом не как физиологические тела, движимые страданиями и удовольствиями, но как граждане, с их правами и обязанностями, различных сообществ-организаций, обладающие привычками и следующими им под давлением обычаев этих сообществ-организаций (*Chavance, 2012*). Каждый индивид является гражданином нескольких таких сообществ-организаций. Для него правила не только ограничивают индивида в его действиях, но и освобождают его от принуждения и несправедливого поведения по отношению к нему со стороны других членов сообщества. Правила не только ограничивают волю индивида, но и усиливают её, так как её проявления было бы несравненно труднее добиться без них. Гарантом этих правил является общество и государство (*Коммонс, 2012*)¹³. Сравним два вида мировоззрений, о которых речь шла выше, с помощью нижеприведенной таблицы. В этой таблице все строки, кроме первой, касаются социальной философии. Первая строка таблицы затрагивает философию науки (*Ефимов, 2011a*).

Таблица 1

**Два вида мировоззрений, одно из которых
основано на понятии «индивид», а другое –
на понятии «сообщество»**

	Индивид	Сообщество
Познание	Открытие индивидуальным разумом сущностей и законов	Коллективная интерпретация наблюдений и экспериментов
Жизнь	Преследование собственного интереса	Следование принятым правилам, основанным на разделяемых убеждениях
Язык	Рассматривается только как средство передачи информации	Утверждается, что язык занимает центральное место в познании и жизни
Общество	Человек рождается в обществе, как совокупности индивидов, и вынужден жить в нем	Только в обществе, как совокупности сообществ, человек может раскрыть свой жизненный потенциал
Свобода	Общество и государство могут только ограничить свободу индивида	Только общество и государство могут обеспечить свободу индивида

Интересно заметить, что как политические экономии школ Шмоллера и Коммонса, так и их исследовательские практики, которые основывались на включенных наблюдениях и интервью (*Grimmer-Solem, 2003; Резерфорд, 2012a; Резерфорд, 2012b; Ефимов, 2007; Ефимов, 2011b*), соответствуют виду мировоззрения правого столбца таблицы. Я думаю, что это не случайно, так как и в их экономических философиях, и в их исследовательских практиках в центре их внимания был человек¹⁴.

В своей новой книге Джеффри Ходжсон, вольно или невольно,

¹³ Коммонс осуществил переход от типа мировоззрения, в центре которого стоит индивид, к мировоззрению, базирующемуся на понятии сообщество на основе прагматизма Джона Дьюи, к которому и обращается Ходжсон в своей книге, правда, в основном только в последней, «прикладной», ее главе. Об этом речь пойдет ниже, в предпоследнем разделе статьи.

предлагает экономистам фактически перейти от мировоззрения, безраздельно господствующего сейчас в экономической дисциплине, причем как в ортодоксальном его направлении (мейстрим), так и в ее неортодоксальных течениях, а именно мировоззрения, отталкивающегося от понятия индивид, к мировоззрению, в центре которого стоит понятие сообщества. В двухсотлетней истории экономической дисциплины этот переход был последовательно осуществлен только двумя школами, а именно немецкой историко-этической школой Густава Шмоллера и висконсинским институционализмом Джона Коммонса.

К. Маркс не осуществил такого перехода, и, хотя он определял общество как исторически развивающуюся совокупность отношений между людьми, складывающихся в процессе их совместных действий, в этом обществе не было места моральным сообществам. Вот что пишет Ходжсон в своей книге по этому поводу: «Маркс упрекал социалистов, которые обращались к морали, а не к материальным интересам рабочего класса для осуществления нового порядка. К социализму должны были бы прийти не путем морального крестового похода, но с помощью рабочих, борющихся и объединяющихся для достижения своих материальных интересов. Марксизм сторонился всех моральных призывов к социализму, сфокусировавшись на пролетарском корыстном интересе... Как и утилитаристы, Маркс отделял цели от средств. Цель социализма была провозглашена как желаемая и неизбежная, и все средства для достижения этой цели были оправданы» (Р. 15).

Справедливость, машины удовольствия и торговое общество

Я думаю, что российским экономистам, политикам и всей общественности следует принять всерьез заявление уже упоминавшегося гарвардского профессора политической философии Майкла Сэндела: «Если бы я управлял миром, то переписал бы учебники экономической теории». Он сделал это заявление, исходя из глубокого понимания важности проблематики социальной справедливости¹⁴, которая с самого начала институционализации экономической дисциплины была из нее исключена. Альфред Маршалл, взяв на вооружение построения Джевонса и Вальраса, стоял у истоков современного мейнстрима и был истинным архитектором института британской экономической дисциплины, который послужил

¹⁴ «Экономическая наука (*Volkswirtschaftslehre*) сегодня пришла к исторической и этической концепции государства и общества, которая противостоит рационализму (т.е. неоклассике В.Е.) и материализму (т.е. марксизму В.Е.). От чистой экономики рынка и обмена, своего рода экономики бизнеса, которая угрожала стать орудием класса собственников, она снова стала великой моральной и политической наукой, которая, кроме производства благ, изучает их распределение, кроме явлений, связанных со стоимостью, изучает экономические институты, и которая ставит в центр (сердце) науки не мир благ и капитала, а снова человека» (*Schmoller, 1998. P. 202–203*).

¹⁵ Майкл Сэндел читает более 20 лет в Гарвардском университете курс «Справедливость», который прослушали рекордное за всю историю университета количество студентов. В одном только осеннем семестре 2007 г. их было 1115. Видеозаписи некоторых фрагментов этого курса можно посмотреть здесь (<http://www.justiceharvard.org/watch/>). Фильм с записью лекции был переведен и показан в Японии и Китае, где имел большой успех. В Юго-Восточной Азии было продано более миллиона экземпляров учебника по этому курсу (*Sandel, 2009*), а автору китайским изданием *Newsweek* присвоено в 2011 г. звание «Иностранная персона года» (*Thomas L. Friedman, «Justice Goes Global», New York Times, June 14, 2011*).

моделью сначала для США, а потом и для всего мира. Интегрируя маржиналистскую революцию в свой экономикс, Маршалл сузил предмет экономической дисциплины, устранив из неё такие беспокоящие (*troublesome*) вопросы, как распределение доходов и богатства, структура власти и социальная справедливость (Coats, 1993, P. 396). В это же время в Германии была институционализирована совсем другая экономическая дисциплина, с которой Майкл Сэндел наверняка бы солидаризировался, так как понятие социальной справедливости было в ней одним из центральных.

Я позволю себе привести здесь длинную цитату из работы Густава Шмоллера, которая так и называется «Справедливость в народном хозяйстве» (Schmoller, 1881): «Старая смитовская политическая экономия ... находила свой идеал справедливости исключительно в свободе договоров. Исходя из представления, что по природе все люди равны, она требовала для этих равных людей только свободы и надеялась, что в таком случае будут заключаться договоры относительно одинаковых для обеих сторон ценностей с одинаковыми выгодами. Она не знала ни общественных классов, ни значения общественных институтов для народнохозяйственной жизни. Социальная динамика складывается, по ее взгляду, исключительно из деятельности отдельных личностей, отдельных договоров этих личностей. Поэтому она и не могла требовать никакой иной справедливости. То, чего она требовала, не было само по себе ложно, но оно было только частью справедливости. Мы требуем теперь, рядом со справедливым меновым оборотом, прежде всего *справедливых народнохозяйственных институтов, то есть мы требуем определенной совокупности нравственных и юридических правил, которые управляли бы группами совместно работающих и совместно живущих людей* (выделено мною. В.Е.) в некоторых сторонах их деятельности, — требуем того, чтобы *результаты их деятельности стояли в согласии с теми идеальными представлениями о справедливости, которые в настоящее время являются у нас господствующими на основании наших религиозных и нравственных представлений или должны достигнуть господства в будущем* (выделено мною. В.Е.). Мы не признаем того, что эти институты являются постоянными в истории и необходимы для всех будущих времен. По отношению к каждому из них мы производим исследование его результатов, спрашиваем, каким образом он возник, какие представления о справедливости его породили и в какой степени необходим он в настоящее время» (Шмоллер, 2012. С. 53–54). Я думаю, что это высказывание Шмоллера, в котором отражена как нормативная, так и позитивная, то есть исследовательская, сторона экономической дисциплины, практикуемой его школой, не требует никаких дополнительных разъяснений и комментариев.

Джеффри Ходжсон в своей книге указывает, почему современный экономический мейнстрим является социально вредным и почему действительно, как говорит Майкл Сэндел, нужно переписать учебники экономической теории: «Основываясь на понятии корыстного «экономического человека», экономикс был обвинен в том, что он лепит реальный мир по своему образу» (Р. 5), и в этом мире нет места справедливости. Радикальное изменение содержания преподаваемых сейчас во всем мире, в том числе и в России, дисциплин экономической теории (Economics) нужно осуществить в первую очередь из-за их вредного влияния на воспитание будущей элиты, которая по ним обучается в США и в других

странах. Ходжсон ссылается на результаты многочисленных экспериментальных исследований, проводимых среди студентов экономики и бизнеса, которые «показывают, что университетские курсы по мейнстримовской экономике оказывают реальное влияние на поведение студентов, препятствуя сотрудничеству и внимательному друг к другу отношению среди них» и что «обучение по курсу экономикс поощряет убеждение, что люди мотивированы прежде всего собственными интересами» (Ibid.). А новая институциональная экономическая теория идет и еще дальше. В соответствии с ней все люди регулярно прибегают в своем поведении ко лжи и вероломству (Уильямсон, 1996). Специальное исследование было посвящено склонности ко лжи среди студентов разных специальностей, вывод из которого состоял в том, что «студенты, специализирующиеся на экономике и бизнесе, лгут намного чаще, чем другие студенты» и что именно «изучение экономики и бизнеса имело причинное влияние на [такое] поведение» (López-Pérez and Spiegelman, 2012). Ходжсон указывает, что «честность была бы чуждым понятием в мире машин удовольствия, где единственным возможным стандартом морали было бы собственное удовлетворение» (Р. 133).

Выражение «машина удовольствия» для характеристики экономического человека Ходжсон заимствовал не у кого иного, как Фрэнсиса Эджуорта. Ходжсон приводит следующую цитату из его книги: «Концепция человека как машины удовольствия может оправдать и облегчить использование механических терминов и математических рассуждений в социальной науке» (Edgeworth, 1881. Р. 15). На основе этого оправдания и облегчения Эджуорт и следовал Джевонсу в утилитаризме Бентама и в математике: «Первым принципом экономики (Economics) является то, что каждый агент побуждается только своекорыстием» (Ibid., Р. 16). Ходжсон подчеркивает, что хотя мейнстримовская экономика делает постоянно акцент на «выборе», этот выбор осуществляется очень своеобразным индивидом, «уровень моральной глубины и сложности которого не выше, чем запрограммированного термостата, обеспечивающего постоянство температуры в комнате, который также делает «выбор» при понижении в ней температуры. Оценка этим индивидом того, что стоит делать, а чего не стоит делать, поверхностна, и его чувство долга и нравственности неадекватно. Он просто машина удовольствия» (Р. 10). Объясняя происхождение видения человека как машины удовольствия, Ходжсон начинает с цитирования Бентама, который рассматривал «сообщество как фиктивное образование, состоящее из индивидуальных личностей, рассматриваемых так, как будто они просто являются его независимыми членами», а интерес сообщества есть на самом деле для него не что иное, как просто «сумма интересов членов, которые его образуют», причем «интересы эти измеряются в терминах удовольствия» (Р. 13). Ходжсон приводит впечатляющий график необыкновенного падения с 1890-х по 2000-х годы использования понятия морали в пользу понятия полезности в лидирующих экономических журналах (Р. 24). Но мораль, как считает Ходжсон, не может быть устранена из экономических рассуждений, так как «функционирование многих ключевых институтов зависит от моральных правил и мотиваций» (Р. 164). Кризис показал, что именно из-за падения морали эти институты и дают сбой. По мнению Ходжсона,

восприятие недовольства других в случае нарушения норм не может адекватно рассматриваться в терминах полезности, так как при этом будут «растворяться такие минимальные аспекты личности, как достоинство и самоуважение» (Ibid.). Ясно, что машины удовольствия не могут быть очень чувствительны к несправедливости.

Вторая, за экономическим человеком, концепция экономикс, также вносящая свой вклад в *придание формы реальному миру по ее образу*, это концепция обмена, который трактуется как центральное в отношениях между людьми. Адам Смит дал старт такому пониманию общества следующей фразой из «Богатства народов»: «Каждый человек живет обменом или становится в известной мере торговцем, а само общество превращается таким образом в торговое общество»¹⁶. Мировоззренческая система, активно навязываемая обществу, сопровождающая и поддерживающая существующий капиталистический социальный порядок представляет собой видение социального мира с точки зрения торговца: социальный мир при этом видении состоит из продавцов и покупателей; каждый торговец является в то же время и покупателем, приобретая нужные ему товары у других торговцев; цель жизни покупателей выражается в безграничном желании потреблять; продавец старается продать покупателям свои товары как можно дороже; торговцы конкурируют между собой и для того, чтобы продать свой товар продавец вынужден установить цену ниже, чем у конкурента; свою торговую деятельность продавец проводит с целью максимизации прибыли и всякая регламентация торговой деятельности может отрицательно сказаться на её величине, откуда центральным требованием торговца к власти является *laissez faire*; согласно видению торговца, отсутствие этой регламентации может только положительно сказаться на общих результатах экономической деятельности всех продавцов и покупателей, так как невидимая рука рынка направляет личный интерес всех торговцев на увеличение продаж нужных покупателям продаваемых товаров; та же невидимая рука рынка справедливо распределяет доходы так, что каждый его участник получает по заслугам. Это видение излагалось в трактатах классической политической экономии, и это же видение было одето Джевонсом и Вальрасом в математические одежды, заимствованные у термодинамики (Майровски, 2012), что фиктивно придало этому видению авторитет научности.

Доминирование в обществе мировоззрения, основанного на видении торговцев, способствует его разрушению, так как координация в обществе обеспечивается не только и не столько столкновением интересов, сколько формальными и неформальными правилами, тесно связанными с моралью, которая является очень важной частью механизма социального регулирования человеческого поведения. Основопологающие элементы морали каждый индивид осваивает в молодости, в том числе во время учебы. Известный американский психолог Лоуренс Кольберг с 1955 по 1977 год проводил экспериментальные исследования по выявлению закономерностей в моральном развитии молодых американцев. Результатом исследований стала его теория шести стадий морального развития. На *первой* стадии ребенок рассматривает моральные требования буквально, а не исходя из их смысла. Быть морально хорошим означает слушаться тех, кто обладает над

¹⁶ В оригинале: «Every man thus lives by exchanging, or becomes in some measure a merchant, and the society itself grows to be what is properly a commercial society».

тобой властью и тем самым, с одной стороны, избегать наказания, а, с другой стороны, получать поощрения. На *второй* стадии своего морального развития ребенок определяет как хорошее то, что удовлетворяет его собственные потребности, и при этом удовлетворение потребностей других видится им как средство для получения в обмен удовлетворения собственных. *Третья* стадия характеризуется тем, что поведение рассматривается ребенком как хорошее, если оно нравится членам его непосредственного социального окружения (семья, друзья, знакомые сверстники). На *четвертой* стадии акцент делается на моральном взаимоотношении со всей социальной системой. Исполнение законов, а также уважительное отношение к действующему социальному порядку становятся центральной точкой развития морали на этой стадии. На *пятой* стадии юноша или девушка начинают понимать, что закон и социальный порядок являются результатом определенного общественного договора, осознается потребность в правилах для достижения консенсуса. Убеждение предыдущей стадии в незыблемости закона и порядка заменяются на веру в необходимость ориентации права на социальную пользу. Наконец, *шестая* стадия, которая определяет уже уровень моральной зрелости, отождествляется с ориентацией на универсальные моральные принципы, следование которым определяется требованиями совести (Garz, 2009. P. 40-46). Ходжсон приводит свидетельства Кольберга о том, что первая и вторая стадии морального развития характерны для большинства детей в возрасте до девяти лет, для многих подростков и некоторых преступников (Р. 116). Он также с иронией замечает, что «этот уровень является также наивысшим уровнем морального развития “экономического человека”» (Ibid.). Если на основании недавно опубликованных свидетельств относительно поведения экономических агентов в финансовой сфере мы проведем идентификацию их уровня морального развития, исходя из теории Кольберга, то легко определим, что этот уровень не очень высок.

Можно со значительной степенью уверенности сказать, что современное экономическое образование способствует воспитанию молодых людей, склонных к недобросовестному поведению. Видение человеческих отношений исключительно через призму обмена оправдывает коррупцию, так как чиновник, требующий от предпринимателя отката за какое-то свое действие, рассматривает эту «транзакцию» как вполне справедливую и взаимовыгодную, забыв о своем долге, ответственности и достоинстве. Ходжсон заявляет, что «коррупция на поверхности выглядит как касающаяся только закона, но на самом деле она касается прежде всего морали» (Р. 163). Информация, вылившаяся на поверхность после начала кризиса, показывает, что американские экономисты внесли существенный вклад в развитие системной коррупции в своей стране.

Экономическая наука и экономическая философия при возникновении экономической дисциплины

Со словами «наука» и «научный» связано много злоупотреблений. Некоторые считают теологию наукой и утверждают, что именно богословие дало толчок для развития науки, как в средние века, так и в новое время¹⁷. В СССР всеми студентами университетов без исключения изучался «научный

¹⁷ Российская академия наук отказалась включать теологию в перечень научных специальностей.

коммунизм». Термин «наука» подчас трактуется очень широко, но *использование его не безобидно*. Дело в том, что как только мы нечто называем наукой, то тем самым неизбежно переносим *авторитет естествознания, проистекающего из его громадных успехов в преобразовании нашей материальной жизни*, на это нечто. Так как при названии этого нечто наукой, оно, это нечто, автоматически присваивает себе чужой (естествознания) авторитет, то я думаю, что перед тем как осуществлять такое перенесение этого авторитета *было бы честно* сравнить практики этого нечто с практиками естествознания, которые и обеспечили этот авторитет. Во времена создателей двух альтернативных институтов экономической дисциплины, Густава Шмоллера и Альфреда Маршалла, такое сравнение было затруднительным, так как исследовательские практики естествознания в то время еще не были объектом пристального антропологического изучения, а тот, кто писал по поводу этих практик, был на самом деле мало с ними знаком.

Та наука, а именно естествознание, которая радикально изменила материальные условия жизни людей, достаточно молода. Ей всего 350 лет и родилась она вместе с рождением Лондонского королевского общества по развитию знаний о природе. Рождение его сопровождалось «спором о методах» аналогичным тому, что 220 лет после этого имел место между Шмоллером и Менгером (*Шмоллер, 2011*). Спор внутри Лондонского королевского общества был между исследователем-экспериментатором Бойлем и философом Гоббсом (*Shapin and Schaffer, 1985*). Сейчас уже почти никто не знает, что Гоббс занимался не только политической философией, но и натуральной философией, как в то время называли естествознание. Бойль выиграл спор с Гоббсом, и естествознание окончательно отделилось от философии. Такого же четкого, как в естествознании, отделения науки от философии в экономической дисциплине так и не произошло. История экономической дисциплины показывает, что Менгер, который придерживался таких же взглядов на науку¹⁸, что и Гоббс, в конечном счете выиграл спор со Шмоллером, и сейчас мало кто из экономистов действительно знает исследовательские практики шмоллеровского Союза за социальную политику (*Verein für Sozialpolitik*), которые *функционально были аналогичны* исследовательским практикам Лондонского королевского общества.

Дж. С. Милль много сделал для перенесения авторитета естествознания на экономическую дисциплину, однако, также как позже

¹⁸ «Менгер не имел ни малейшего представления о математическом анализе. Внимательное чтение его главных работ свидетельствует о том, что он не был знаком с физикой того времени. Однако, несмотря на эти несоответствия требованиям, Менгер начал уничтожительную атаку на немецкую историческую школу в своей работе «Исследования о методах социальных наук и политической экономии в особенности», главным образом посвященную заявлению о том, что его оппоненты не понимают природы «точной науки» ... [С]лабые и неубедительные заявления Менгера о том, что он продвигает методы «точных исследований Ньютона, Лавуазье и Гельмгольца», обнаружили его невежественность, наспех замаскированную напыщенностью. Он попытался распространить свой радикальный субъективизм на физику, не удосужившись привести ни единого примера из физики. Он порочил эмпиризм, не указывая конкретно, против каких практик он выдвигал возражения. Его концепция науки была строго аристотелевской, и он не обращал внимания на тот факт, что ученые его времени эту концепцию отвергли. Наоборот, он приводил ссылки на их имена, чтобы вызвать больше доверия» (*Майровски, 2012. С. 109*).

Менгер, сделал он это, не очень зная реальные исследовательские практики естествознания. Узнать же эти практики можно, только *наблюдая* за исследовательской деятельностью физиков, химиков и биологов. Это и сделал французский социолог Брюно Латур вместе с британским исследователем Стивом Вулгаром (*Моркина, 2010*). Они провели два года в одной калифорнийской биологической лаборатории, где увидели, что реальные исследовательские практики состоят в тесном взаимодействии с объектом исследования, тщательной фиксации результатов этого взаимодействия, в том числе и с помощью автоматических записывающих устройств, и получении понимания исследуемых процессов на базе коллективного обсуждения результатов этого взаимодействия. Во второй половине XVII-го века два основателя экономической науки проводили действительно научные исследования. Уильям Петти был членом Лондонского королевского общества и хорошо знал практику экспериментальных исследований, важнейшей чертой которых является контакт исследователя с объектом исследования. На основании такого подхода он провел детальное исследование институтов и ресурсов Ирландии¹⁹. Нужно сказать, что изучение деталей является важнейшей частью исследовательских практик. Книга французского экономиста-исследователя Пьера Буагильбера, которая была опубликована в 1695 г., так и называлась «Le Détail de la France» (*Boisguilbert, 1966*) или по-русски «Подробное описание положения Франции, причины падения ее благосостояния и простые способы его восстановления». Проводил он свои исследования на основе включенного наблюдения, т.е. непосредственного участия в наблюдаемых процессах, а также на основе бесед с участниками экономических процессов (*Hecht, 1966*). Его книгу можно охарактеризовать как «насыщенное описание», т.е. такое описание процессов, которое включает в себя и их *понимание*.

Буагильбер первым сформулировал основное либеральное предложение в терминах экономики (*Faccarello, 1999. P. 11-12*). Доктрина *laissez-faire* родилась на базе объективного анализа практик раннего капитализма, которые постоянно наталкивались на многочисленные препятствия. Естественным выводом из этого анализа была необходимость устранения этих препятствий. Буагильбер не мог себе представить возможность создания полностью новой системы регулирования экономики и поэтому считал, что необходимо просто устранить любое регулирование (*Ibid., P. 91*). Полвека спустя Анн Робер Жак Тюрго в своей работе «Похвальное слово Венсану де Гурнэ» сформулировал еще раз эту же идею также на основе эмпирических исследований, правда не его самого, а своего друга: «Г. де Гурнэ считал, что всякий гражданин, который работает, заслуживает признательность общества. Он был удивлен, увидев, что гражданин не мог ни производить что-либо, ни продать, не купив на это права путем вступления в какое-нибудь объединение, и что после приобретения этого права путем больших затрат приходилось еще иногда провести целое расследование, чтобы узнать, получил ли он, вступив в то или иное объединение, право продавать или производить именно ту или иную вещь»; «Он не представлял себе, что в королевстве, под властью одного

¹⁹ Эти исследования описаны им в его книгах «Политическая анатомия Ирландии» (1672) и «Политическая арифметика» (1676) (*Aspromourgos, 1996. P. 11, 12*).

и того же государя, каждая провинция, каждый город смотрели друг на друга как на врагов, присваивали себе право запрещать работать в своих пределах французам, обозначаемым словом чужаки, противодействовать продаже и свободному провозу товаров соседней провинции и бороться таким образом во имя ничтожных интересов против общего интереса государства и прочее и прочее» (Тюрго, 1961. С. 65-67).

Произведения Буагильбера и Тюрго нужно рассматривать не только как вклад в понимание социального мира Франции той эпохи, но также как вклад в политические дебаты того времени, вклад на основании обнародования и анализа фактов. В конце XVIII-го и в особенности в XIX-м веке рождающаяся политическая экономия стала вносить свой вклад в политические дебаты совсем по-другому. Восемьдесят лет спустя после публикации труда Буагильбера, с появлением в 1776 г. книги Адама Смита произошел старт классической политической экономии как продолжения традиций преподаваемой в то время в университетах моральной и политической философии. Министр образования и науки РФ Дмитрий Ливанов правильно назвал университеты того времени теологическими²⁰. Действительно, теология была в этих университетах центральной дисциплиной, а курс моральной и политической философии основывался на теологии и был в определенном смысле продолжением этого курса. Примером может служить впервые опубликованный в 1785 г. учебник Уильяма Пейли (*Paley, 2003*), которого Кейнс охарактеризовал как первого кембриджского экономиста, а его учебник как бессмертную книгу (*Keynes, 1951. P. 91*). «Богатство народов» продолжало традиции моральной и политической философии с точки зрения методологии, но не содержания. В отличие от учебника Пейли в книге Смита нет места для морали и политики. Термины «Бог» и «божественные» в ней заменены на слова «природа» и «естественные». «Невидимая рука» Смита на самом деле есть не что иное, как «божественная рука». Основополагающим убеждением, определяющим функционирование классических университетов, была идея о том, что «все доступные знания основаны на определенных текстах, унаследованных от античности и что любой прогресс в знаниях может исходить только из более тщательного толкования этих текстов» (*Charle and Verger, 2007. P. 10*). Применительно к экономической дисциплине эта традиция классического университета проявилась в замене античных текстов на тексты таких основоположников школ, как Смит, Маркс, Вальрас и Кейнс. При этом, как и в теологии, при толковании допускается и некоторое развитие содержащихся в них идей.

Каким образом классическое, а затем неоклассическое экономическое направление стало доминирующим? Сейчас среди тех, кто вообще задумывается над этим вопросом, распространена следующая теория функционирования и эволюции профессии академических (университетских) экономистов: 1. Профессия академических (университетских) экономистов состоит из независимых исследователей-преподавателей, которые взаимодействуют друг с другом, желая убедить коллег в своей правоте. 2. Победа той или иной парадигмы исследования и преподавания происходит в том случае, когда ее представителям удастся убедить большинство членов

²⁰ См.: Волков А. и Ливанов Д. Ставка на новое содержание (03.09.2012). (http://www.vedomosti.ru/opinion/news/3499241/stavka_na_novoe_soderzhanie#ixzz269kFluKJ).

профессии в правильности своего подхода. 3. Победить какому-то подходу, парадигме удастся тогда, когда его адепты могут «продемонстрировать прежде неизвестные объяснения, показать новые причинно-следственные связи, предложить новую интерпретацию имеющихся данных, интерпретацию, обогащающую наше понимание происходящего в экономике на разных уровнях». В статье (Ефимов, 2011b) я предложил другую теорию функционирования профессии академических (университетских) экономистов²¹. В соответствии с этой теорией, профессия академических (университетских) экономистов состоит не из независимых исследователей-преподавателей, а представляет собой институт, и деятельность каждого члена сообщества академических (университетских) экономистов определена этим институтом. Понимание внутри этого сообщества того, что является «убедительным», а что нет, также является производным от этого института. Кардинальное отличие института естественнонаучных дисциплин от института экономической дисциплины (*institution of economics*) состоит в том, что центральным и конечным предметом обсуждения внутри сообщества естественников являются эксперименты²² (недаром естественников называют естествоиспытателями), а центральным и конечным предметом обсуждения внутри сообщества экономистов являются абстрактные теории²³. Это требование к политической экономии четко сформулировал Милль²⁴. Теория функционирования и эволюции профессии академических (университетских) экономистов, которую я развиваю в статье (Ефимов, 2011b), исходит из того, что функционирование и эволюция происходят под сильным (определяющим) влиянием внешних к профессии институтов. В ней я рассматривал генезис экономического мейнстрима в Великобритании и США. Ниже в следующем параграфе речь пойдет о том, как это происходило во Франции.

Книга Адама Смита была переведена на французский язык и получила во Франции широкое распространение (Faccarello and Steiner, 2002). Жан-Батист Сэй способствовал распространению ее идей в этой стране. Американский историк Элизабет Сейдж в своей книге «Сомнительная наука. Политическая экономия и социальный вопрос во Франции XIX-го века» пишет, что французские промышленники, ставшие с развитием капитализма наиболее влиятельной социальной группой, нашли в произведениях Смита и Сэя «оправдание правомерности их деятельности, утверждение их материального богатства и “научную” поддержку принципов

²¹ Эта теория не априорна, а выведена мною из исследований историков экономической профессии, которые работали с первичными источниками, в том числе найденными в архивах.

²² В сообществе естественников принятие или отбрасывание тех или иных теорий происходит на базе обсуждения экспериментов, а так как ещё в колыбели института естествознания, Лондонском королевском обществе, с самого начала правдивость в свидетельствовании результатов эксперимента и его честной интерпретации была высшей ценностью и неукоснительным правилом, то и институт успешно продвигался по пути познания природы.

²³ Значение абстракции Маркс определяет так: «При анализе экономических форм нельзя пользоваться ни микроскопом, ни химическими реактивами. То и другое должна заменить сила абстракции» (Маркс, 2009. С. 12).

²⁴ «В определении предмета, которое мы попытались сформировать для науки политической экономии, мы характеризовали ее как по существу *абстрактную науку* и её метод – как метод *a priori*. Такой [метод] в понимании и преподавании [другим] всех самых выдающихся учителей, несомненно, является отличительной чертой [политической экономии]. Она ведет рассуждения и, как мы утверждаем, обязательно должна вести рассуждения от предпосылок, а не от фактов» (Милль, 2012. С.60–61).

laissez-faire и правительственного невмешательства» (Sage, 2009. P. 23). Такое оправдание и поддержка стали необходимыми из-за того, что ранний капитализм породил так называемый «социальный вопрос» (*La question sociale*). Под социальным вопросом понималось большое количество явлений, связанных с плохим положением рабочих и их семей и их протестной деятельностью против этого положения. Французские экономисты увидели для себя хорошие возможности профессионализации своей дисциплины, исходя из актуальности социального вопроса. Для того, чтобы получить «научный статус и власть», дисциплина «ограждала себя от нежелательного знания», «возвышала определенные типы знания и дисквалифицировала другие» (*Ibid.*, P. 6). Нежелательное знание касалось прежде всего социального вопроса: «Именно промышленники предлагали описания социального вопроса и предложения по его решению, которые экономисты изучали, продвигали и интегрировали в свою науку» (*Ibid.*, P. 7). При этом они опирались на фиктивных «ими придуманных Адама Смита и Жана-Батиста Сэя» (*Ibid.*, P. 19), игнорируя в их учениях все, что противоречило бы принципу *laissez-faire*. Содержание статей и книг французских экономистов того времени определялось «их желанием защитить социальный порядок и страхом перед социализмом» (Sigot, 2010. P. 777). В середине XIX-го века курсы политической экономии сознательно создавались как средство поддержки существующего общественного порядка. Вот, что французский министр народного образования Виктор Дюрюи писал в 1864 г. в своём докладе Императору Наполеону III по поводу создания кафедры политической экономии на парижском факультете права: «В своё время Ваше Величество обратилось к руководителям национальной промышленности с призывом распространения среди занятых у них рабочих здоровых идей политической экономии. Вы, Государь, утверждали также, что обязанностью правительства является распространение этих важных идей, которые, по словам английского министра того времени, спасли Англию от социализма. Эту необходимость распространения идей политической экономии, провозглашенную Императором четырнадцать лет тому назад, страна полностью осознала сегодня. Общественное мнение требует заполнения досадного пробела в нашей системе общего образования, и несколько городов уже объявили организацию у себя курсов политической экономии» (Dumez, 1985. P. 43–44).

В это время немецкие экономисты школы Густава Шмоллера занимались совсем другим. Они, в отличие от французов и англичан, не пытались доказать, что наилучшим решением социального вопроса (*Die Soziale Frage*) является отсутствие какого-то ни было вмешательства со стороны государства, а наоборот сотрудничали с правительством Бисмарка в области разработки и проведения институциональных реформ, нацеленных на решение этого вопроса. Продолжением этой традиции в США была школа Джона Коммонса, усилия которой также были нацелены на решение социального вопроса, который получил в этой стране название рабочего вопроса (*Labor Problem*). Вот список исследований школы Коммонса: (1) правовая и законодательная тематика, в том числе законодательство по профсоюзам, трудовое право, антимонопольное законодательство, судебные запреты, практика черных списков, бойкоты, полицейская власть, вооруженные охранники, практика срыва забастовок, свобода слова; (2) организации трудящихся и ведение коллективных переговоров в различных

отраслях промышленности, в том числе исследования ассоциаций профсоюзов и работодателей, торговые соглашения, научное управление, забастовки, другие выступления трудящихся, насилие, трудящиеся, не организованные в профсоюзы, потенциальные средства правовой защиты; (3) занятость, включая исследования биржи труда и службы занятости, временная и миграционная занятость, нерегулярность занятости, экономические колебания и занятость, уровень безработицы на конкретных рынках труда, схемы страхования от безработицы; (4) труд в сельском хозяйстве, в том числе фермеров-арендаторов и сельскохозяйственных рабочих; (5) образование, включая ученичество, профессиональное обучение, детский труд; (6) социальное обеспечение и страхование, в том числе мероприятия по улучшению условий жизни рабочих, жилищные и бытовые условия жизни, страхование на случай болезни, а также профилактика заболеваемости; (7) несчастные случаи, техника безопасности, санитария, включая заводскую инспекцию по этим вопросам и компенсацию рабочих в случае несчастных случаев на производстве; (8) выявление причин, вызывающих беспорядки среди рабочих, в том числе распределение доходов, заработная плата, сравнительный анализ изменения заработной платы и цен, стоимость жизни, часы работы, введение машин, иммиграция и трудовая миграция, а также (9) женщины в промышленности, в том числе количество и экономический статус женщин в промышленности, регулирование работы женщин, продолжительность рабочего дня у женщин, исследования таких «женских» отраслей, как, например, швейная промышленность²⁵.

Институционализм Шмоллера и Коммонса – это не только экономическая философия, о которой говорилось выше, но и оригинальная исследовательская традиция, причем традиция, которая продемонстрировала в свое время высокую эффективность и очень хорошо послужила важным реформам в Германии и США. Если истоками происхождения неоклассической традиции были классический, по существу теологический университет; затем дисциплина, которая в нем преподавалась, а именно, моральная и политическая философия; и, наконец, беспринципно заимствованные математические конструкции физики середины XIX-го века, то у институционализма Шмоллера и Коммонса совершенно другие источники. Он первоначально возник не в университете, пропитанном средневековой схоластикой, а в новом Берлинском университете, который был основан в 1810 г. сразу как исследовательский. Гумбольдт писал, что в этом университете роли преподавателя (теперь преподавателя-исследователя) и студента меняются. Они оба служат науке, проводя совместные исследования. Этот институционализм основывался на интерпретативной природе социального исследования, на герменевтике Дильтея и на экспериментально-социальном понимании любого исследовательского процесса, развитом в прагматизме

²⁵ Эта информация взята из ранней версии (См.: <http://web.uvic.ca/~rutherford/observation.pdf>) статьи Резерфорда (2012б), которая ссылается на следующий документ: “Divisions Of The Broad Subjects Of Research And Investigation Together With A Classification Of The Reports Completed to Date Along These Various Lines Which Have Been Sent In To The Director,” February 15, 1915, хранящийся в архиве Висконсинского исторического общества среди документов Чарльза Маккарти: ящик № 8, папка № 6. Маккарти возглавлял команду, занятую этим исследованием, проводимым для Комиссии США по трудовым отношениям. Джон Р. Коммонс был членом этой комиссии.

Пирса и Дьюи. В отличие от Менгера Шмоллер изучал естествознание и хорошо знал его исследовательские практики.

То, что объединяет исследовательские практики в естествознании с теми, которые должны иметь место в социальных науках, так это необходимость контакта исследователя с объектом исследования и его реакция, ощущаемая исследователем при этом контакте. Но далее эти практики расходятся. Экономисты, кроме Буагильбера и школ Шмоллера и Коммонса, имели в качестве образца ньютоновскую физику (Ефимов, 2011а. С. 27). В частности, применение математики основывается на видении мира как совокупности вещей или явлений, находящихся во времени и пространстве, между которыми ищутся причинно-следственные связи. Буагильбер, Шмоллер и Коммонс проводили исследования совсем по-другому. Социально-экономические регулярности проистекают из того факта, что члены каждого сообщества следуют в своем поведении правилам, принятым в этом сообществе и отражаемым в их дискурсах. На обнаружение этих правил через изучение речевых актов, а тем самым и на выявление определяемых ими регулярностей, и должно быть направлено исследование. Это становится возможным потому, что правила эти, вместе с сопровождающими их убеждениями в их правомерности, выражаются именно в речевых актах. И правила, и убеждения, их обосновывающие, хранятся и воспроизводятся членами сообщества в виде историй, сюжетные линии которых исследователь может выявить вместе с правилами через анализ речевых актов (Ефимов, 2011а. С. 28–29)²⁶. Это и делалось американскими институционалистами начала XX-го века на основе использования интервью и включенных наблюдений (Резерфорд, 2012б).

Джон Дьюи, экономическая наука и политический дискурс

Джон Дьюи является одним из наиболее цитируемых авторов в книге Джеффри Ходжсона. Свою идею превращения экономической дисциплины в моральную и политическую науку он обосновывает следующим образом: «Так как с Дьюи (Dewey, 1916; 1929; 1935; 1938; 1939; Dewey and Tufts, 1908) роль и моральный авторитет демократических институтов становится решающим, то экономика (Economics) должна вернуться к своей былой славе моральной и политической науки» (Р. 27). Ходжсон противопоставляет модели индивида как максимизатора полезности видение его в социальной психологии Дьюи как «сознательного существа, выносящего решения относительно зачастую противоречащих друг другу требований, где разговор и совещательные суждения (conversation and deliberative judgement) являются жизненно важными при выборе между противоречивыми чувствами и соображениями» (Р. 73). Останавливаясь на модели морального развития человека и ссылаясь на Дьюи, Ходжсон подчеркивает, что «мы не являемся получателями (receptors) культурных норм», а «развиваем наши особенные моральные личности через “внутренний разговор”, связанный с противоречивыми привычками, чувствами и суждениями» (Р. 117). Ходжсон называет Дьюи интеллектуальным ментором экспериментального подхода к политике, который предполагает демократическое участие, подхода, который повлиял на институционалистов исходной американской традиции (Р. 193). Автор книги предпослал главе, посвященной эволюционному и

²⁶ В этой работе я опирался на идеи Рома Харре о том, какими должны быть социальные науки (Van Langenhove, 2010).

институциональному подходу к разработке политики, в качестве одного из эпиграфов следующую цитату из работы Дьюи, посвященной методологии исследования: «Беды в текущих социальных суждениях относительно целей и политик проистекают ... из импорта ценностных суждений извне [проводимых] исследований-расследований (inquiry). Эти беды вызваны тем фактом, что используемые ценности не определены самим исследованием в процессе его осуществления, так как предполагается, что некоторые цели имеют непреходящую ценность, причем настолько неоспоримую, что они регулируют и утверждают используемые средства, вместо того, чтобы цели были бы определены на основе существующих условий как препятствия-ресурсы» (Р. 214). Ходжсон интерпретирует это следующим образом: «Вместо догматических целей и неоспоримых идеалов Дьюи искал условия и привычки публичного рассмотрения и дебатов, которые бы вели как к нововведениям, так и к экспериментам ... Дьюи отдавал предпочтение экспериментальной, ориентированной на процесс, партисипативной демократии... Институциональное проектирование должно быть осторожным и построенным на экспериментах. Основная роль экспертов состоит в том, чтобы разработать возможные альтернативы политики и их возможных последствий для того, чтобы питать этой информацией осведомленные общественные обсуждения» (Р. 225). Такой метод Дьюи назвал «интеллектом, основанным на эксперименте и сотрудничестве». Он ожидал, что этот «общественный интеллект», который не есть простая сумма входящих в него интеллектов, но является их усилением путем взаимодействия и диалога, станет правилом социальных отношений и социального правления. Для Дьюи развитие привычек взаимодействий в рамках «общественного интеллекта» должно идти через распространение демократических ценностей, прививаемых детям с ранних лет в семье и школе. Причем обучение в школе рассматривалось им не просто как подготовка гражданина, а как арена освоения будущими активными гражданами привычек терпимости, сотрудничества и заинтересованных исследований-расследований (Р. 226).

Коммонс был насквозь пронизан идеями Дьюи, но в своих публикациях он делал только самые общие ссылки на Дьюи без изложения его идей или хотя бы ссылок на его конкретные работы. На мой взгляд, действительно понять Коммонса можно, только освоив идеи Дьюи, и это является одной из важных, если не важнейшей, причиной непонимания Коммонса многими экономистами. Статья Резерфорда (2012b) хорошо показывает исследовательскую кухню школы Коммонса. Кухня эта - дискурсивная, исследователи изучают дискурсы акторов, вступая с ними в вербальный (дискурсивный) контакт, и тексты, например, разного рода нормативные документы, которые являются выражением и результатом дискурсов. В теоретической статье Коммонса (2012) ощущается нормативность этой дискурсивности экономической реальности, автор явно стоит за экономику, в которой решения не навязываются голой властью, а являются результатом честных переговоров. Так что и с позитивной, и с нормативной точек зрения институциональную экономику Джона Коммонса можно назвать дискурсивной экономикой. Дьюи сильно повлиял на Коммонса, как в позитивной, так и в нормативной сторонах его институциональной экономики. Я думаю, что и само понятие транзакции Коммонс взял у Дьюи (см. стр. 13-14 книги (Дьюи, 2002) "Общество и его

проблемы" (на самом деле название этой книги нужно было перевести как "Общественность и ее проблемы"). Но это влияние Дьюи на Коммонса еще важнее в видении места экономической науки в обществе: «Любое экспертное управление, при котором массы не получают возможности информировать экспертов о своих потребностях, есть не что иное, как олигархия, правящая в интересах меньшинства... Иными словами, насущной потребностью общественности является совершенствование методов и условий проведения дебатов, обсуждения вопросов и убеждения граждан. В этом и состоит основная проблема общественности. Мы уже высказали утверждение, согласно которому успешность решения данной задачи, в сущности, зависит от раскрепощения и усовершенствования исследовательских процессов и распространения выводов, полученных в результате данных исследований. Само же исследование является задачей, целиком лежащей на плечи экспертов. Но демонстрировать свои особые знания и умения эксперты должны не на ниве формирования и осуществления политических стратегий, а в области обнаружения и популяризации тех фактов, от знания которых зависит любая политика... Нет никакой необходимости в том, чтобы знаниями и умениями, требующимися для осуществления соответствующих исследований, обладали многие члены общества; достаточно, чтобы эти многие были в состоянии судить о том, какое значение имеет добытое другими знание для общества в целом» (Дьюи, 2002. С. 151-152).

Таким образом, *дискурсивная экономика*, задачей которой является институциональный мониторинг, который включает и институциональный анализ, должна быть погружена в *дискурсивную демократию*. Термин «дискурсивная демократия» был предложен политологом Джоном Дрызеком (Dryzek, 1990) и обозначал такую демократию, в рамках которой граждане участвуют не только в выборах, но и политических дебатах. Этот термин не прижился, а вместо него для обозначения того же самого стали говорить о «делиберативной демократии» или «делиберативной партисипативной демократии» (Cavalier, 2011). Без дискурсивной (делиберативной) демократии нет спроса на дискурсивную экономику, так как без нее нет организованной общественности, которая должна быть основным потребителем результатов исследований экономистов. Без дискурсивной (делиберативной) демократии нет и широкомасштабного предложения результатов исследований экономистов, так как им не будет дана возможность проводить свои исследования-обследования-расследования. Ни дискурсивная экономика, ни дискурсивная демократия невозможны без *дискурсивной этики* или этики дискурса, у истоков которой стоит Юрген Хабермас (2006, 2008).

В соответствии с классификацией Хабермаса (Ulrich, 2010a. P. 62-78), экономическая дисциплина со своим понятием рационального действия рассматривает в действительности исключительно несоциальные ситуации. Если она хочет стать социально полезной как в своей познавательной, так и в своей нормативной составляющей, то ей необходимо перейти к рассмотрению социальных ситуаций, в рамках которых осуществляется действие, с неизбежно имеющей место его коммуникативной составляющей. В экономической дисциплине, наряду со стратегическим действием, нацеленным на достижения успеха, нужно

рассматривать и коммуникативное действие, то есть такое, которое ориентировано на понимание партнера, в том числе его интересов и чаяний, а не исключительно на стремление добиться своего во что бы то ни стало. Швейцарский специалист в области хозяйственной этики, Петер Ульрих, считает, что и в экономической теории, и в хозяйственной практике нужно перейти от чисто экономической к социально-экономической рациональности (Ulrich, 2010a. P. 105-110). Такой переход, по Петеру Ульриху, есть не что иное, как переход к цивилизованной рыночной экономике (Ulrich, 2010b). Это потребует от вовлеченных в конфликт акторов честности аргументирования при проведении переговоров. Требование моральной и юридической законности своих действий должно значить больше для актора, чем стремление к успеху. Каждый актор должен чувствовать безусловную ответственность перед теми, кто затронут его действиями, в том числе принимая во внимание их законные притязания. Наконец, цивилизованная рыночная экономика не может существовать без вовлеченности всех ответственных граждан в политические дебаты или политический дискурс²⁷.

Все три элемента дискурсивной тройки, а именно *дискурсивная экономика*, *дискурсивная (делиберативная) демократия* и *дискурсивная этика*, могут и должны существовать только вместе. Переход к ним может происходить только постепенно и задачей экономистов, по моему мнению, и должно быть способствование такому переходу. Я думаю, что идея *дискурсивной тройки* продолжает идею Джона Коммонса (Commons, 1932) о корреляции при изучении любой трансакции права (law), экономики (economics) и этики (ethics). Ведь в идеале право должно формироваться народом (или его неформальным представителем - общественностью) и тем самым народ должен стоять у истоков институциональных изменений. На мой взгляд, следующие слова Джона Дьюи очень актуальны для сегодняшней России: «До тех пор, пока келейность, предрассудки, предвзятость, умышленный обман, пропаганда и чистое невежество не уйдут в прошлое, уступив место исследованиям и публичности, — мы будем не в состоянии определить, насколько готовы массы с их нынешним уровнем интеллекта выносить суждения относительно той или иной социальной политики» (Дьюи, 2002. С. 152). И вот еще: «До тех пор, пока «великое общество» не превратится в «великое сообщество», общественность будет находиться в состоянии затмения. Создать же великое сообщество способна только коммуникация» (Дьюи, 2002. С. 104). Экономисты должны внести важный вклад в построение и обеспечение эффективного функционирования этой коммуникации с тем, чтобы направить вспять тенденцию «деструктивной трансформации российской публичной сферы и ее главной содержательной характеристики - политического дискурса» (Горбачева, 2007. С. 4).

К реформе экономического образования в России: экономическая философия и экономическая наука

Выше я уже предлагал российским экономистам, политикам и всей общественности серьезно отнестись к предложению Майкла Сэндела — переписать учебники по экономической теории (Economics) так, чтобы в них она рассматривалась бы как раздел моральной и политической философии,

²⁷ Различные подходы к интерпретации понятия дискурса приведены в (Русакова, 2007).

и отойти от традиции, в соответствии с которой экономика, сначала как политическая экономия, а затем как экономикс, определяла себя как автономную дисциплину, стремящуюся к строгости естественных наук. Я предлагаю задаться также вопросом: как это предложение соотносится с мнением Джеффри Ходжсона, изложенном в обсуждаемой нами книге о том, что экономикс должен стать моральной и политической наукой (Р. 27)?

Да, безусловно, используемые сейчас учебники экономической теории нужно обязательно заменить на такие, в которых бы нашлось место для значительно более гуманистической экономической философии. Начала такой гуманной экономической философии, противостоящей конструкциям Адама Смита, были заложены Жан-Жаком Руссо (*Руссо, 1969; Spector, 2003; Pignol and Hurtado, 2007; Hurtado, 2010; Rasmussen, 2008*), Густавом Шмоллером и Джоном Коммонсом, и эти начала сейчас могут быть достаточно легко развиты на основании идей Джона Дьюи, многие из которых нашли свое продолжение в современной моральной и политической философии. В курсах, которые сейчас получили название «экономическая теория» и которые по традиции могут быть названы курсами политической экономии, неолиберализм²⁸ в любой его форме должен *перестать прятаться за математические формулы, создавая иллюзию научности и нейтральности*, а на равных вступать в политические дебаты в студенческой аудитории и вне ее с другими направлениями социально-политико-экономической мысли. В этом смысле учебники по политической экономии должны быть достаточно плюралистскими. Ныне учебники экономической теории таковыми не являются, а излагают в той или иной форме *исключительно неоклассическую теорию*, поющую славу неолиберализму. Учебные пособия по институциональной экономике²⁹ в настоящее время *целиком основываются на концепциях «экономического человека» и «торгового общества» и пересказывают «новую институциональную экономическую теорию»* (*Уильямсон, 1996; Норт, 1997; Эггертссон, 2001*) и «новую политическую экономию» (*Бьюкенен, 1997; Таллок, 2011; Олсон, 1995; Бреннан и Бьюкенен, 2005*).

Для меня в этой статье ключевыми понятиями являются «политические дебаты» и «политический дискурс». Сейчас в России экономисты сильно влияют на политический дискурс, поставляя через курсы "экономической теории" и "институциональной экономики" очень вредные концептуальные заготовки для политического дискурса. Эти курсы следует кардинально изменить. Взамен своекорыстия экономического человека, рассмотрения социальных отношений исключительно через призму обмена, общества и сообществ как фикцию, государства как бандита и оппортунистического поведения как нормы эти курсы должны давать совершенно другие образы институтов, трансакций, контрактных отношений, собственности, предприятий и институциональных изменений, а также государства, права и

²⁸ См.: (Русакова и Хмелинин, 2012) о неолиберальном дискурсе, который на самом деле стратегически нацелен на «формирование социального субъекта нового типа», которого я бы назвал «совершенным экономическим человеком».

²⁹ См., например, такие пособия по институциональной экономике, как (Аузан, 2011; Одинцова, 2009).

гражданского общества. Эти курсы³⁰ должны стать действительно междисциплинарными, а не результатом экономического империализма в психологию, социологию, политологию и право. Курс институциональной экономики призван вернуть эту дисциплину на гуманистические позиции ее основателей и подвергнуть резкой критике «новую институциональную экономическую теорию» (Уильямсон, 1996; Норт, 1997; Эггертссон, 2001) и «новую политическую экономию» (Бьюкенен, 1997; Таллок, 2011; Олсон, 1995; Бреннан и Бьюкенен, 2005), полностью исказивших их первоначальный замысел. По моему мнению, это можно сделать на основании идеи дискурсивной тройки, то есть взаимосвязи концепций дискурсивной экономики, дискурсивной этики и дискурсивной (делиберативной) демократии.

Но если экономическая дисциплина будет преподаваться только в форме экономической философии, то она не будет до конца выполнять свою важнейшую познавательную функцию *понимания реального мира для участия в политических дебатах*. Я, вслед за Дьюи, предлагаю экспертам-экономистам питать результатами своих эмпирических исследований *расширенный политический дискурс*, в который будут вовлечены широкие слои общественности. Среди этих эмпирических исследований центральную роль должен играть институциональный мониторинг. Здесь экономическая наука выступает в ее онтологически и эпистемологически адекватной для понимания социально-политико-экономической реальности форме дискурсивной парадигмы. То есть, по существу, нужно восстановить традиции школ Шмоллера и Коммонса в их двух составляющих: экономической философии, которую я бы назвал институциональной политической экономией, и экономической науки, методологию которой я уже назвал в (Ефимов, 2011б) конструктивистской институциональной экономикой, и которая является по существу методологий институционального анализа. Такую науку, осуществляющую институциональный анализ в рамках дискурсивной парадигмы, и можно назвать, как это делал Шмоллер (см. ссылку № 15 в этой статье) моральной и политической наукой. Эту науку можно преподавать в виде курсов трех типов. Курсы первого типа должны излагать методологию институционального дискурсивного анализа. Курсы второго типа будут посвящены качественным методам исследования (которые по их состоянию на то время преподавались студентам-экономистам, а затем применялись ими в их исследованиях в окружении Джона Коммонса (Rutherford, 2011; Резерфорд, 2012а; 2012б). Наконец, важнейшим элементом обучения является доведение до студентов результатов институционального

³⁰ По существу российским студентам в этих курсах преподают определенную «религию», именно так характеризуют «новую политическую экономию» сами ее создатели: «Эта книга представляет собой выражение надежды на то, что мы находимся на пути к зарождению новой “гражданской религии” — религии, которая отчасти возвратит нас к характерному для XVIII века скептическому отношению к политической деятельности и правительствам и которая, вполне естественным образом, сосредоточит наше внимание на *правилах, ограничивающих деятельность правительств*, а не инновациях, оправдывающих все возрастающее вмешательство политиков в жизнь граждан. Наша нормативная роль, как философов-обществоведов, состоит в том, чтобы придать определённую форму этой гражданской религии» (Бреннан и Бьюкенен, 2005. С. 262). Сейчас, после погружения мира в экономический кризис, вызванный дерегуляцией экономики, эти слова звучат воистину зловеще.

мониторинга и вовлеченности самих студентов в его проведение.

Такое предложение по реформе научно-исследовательской части экономического образования неизбежно вызывает возражения со стороны действующих университетских экономистов. Многие экономисты считают свою науку количественной и согласиться с тем, что математика должна играть в ней скромную роль, им очень трудно. Некоторые из них, возможно, и согласятся, что качественные методы исследования, ориентированные на дискурсивный подход, являются эффективными методами изучения социально-экономических проблем, однако подумают, что эти методы нужно отнести к социологии, и им не место в экономической науке, так как они совершенно не соответствуют тому, что в большинстве случаев понималось и понимается под экономической наукой. Действительно, в настоящее время качественные методы применяются намного чаще в социологии, антропологии и политологии, чем в экономической науке, но *так было не всегда*³¹. Дисциплинарные рамки во многом условны и в каждый отдельный момент являются результатом дисциплинарной эволюции, сводящейся к эволюции профессиональных культур дисциплинарных сообществ. Эволюции зависят, с одной стороны, от пройденного пути последовательных поколений экономистов, а с другой стороны, – от решений влиятельных людей внутри и вне профессии, которые могут просто отсеять какие-то неприемлемые для них направления развития дисциплинарной культуры. Такое отсечение дискурсивного подхода и таких качественных методов исследования, как исследование действием, включенное наблюдение, исследование случаев, беседы-интервью, от экономической дисциплины и произошло на рубеже XIX и XX вв., предопределив результат спора о методах (*Methodenstreit*).

В настоящее время наиболее развитой методикой качественного исследования является так называемое *заземленное теоретизирование* (*grounded theory*). Студенты-экономисты должны обязательно ее осваивать. Прежде всего обсудим сам русский термин «заземленное теоретизирование», который я предлагаю использовать для обозначения *grounded theory*. В русских публикациях появилось уже несколько вариантов перевода английского термина *grounded theory*. Это – обоснованная теория, заземленная теория, укорененная теория и даже граунд-теория. Почему не теория, а теоретизирование? Потому что *grounded theory* – это не теория, а методика. Эта методика проведения социальных исследований, начиная от сбора качественных данных, их анализа и построения на базе этого анализа теории «заземленной», а лучше сказать «укорененной», в самих этих данных. «Таким образом, данные формируют основание, фундамент (*foundation*) нашей теории и наш анализ этих данных порождает (*generates*) концепции, которые мы строим» (*Charmaz, 2006. P. 2*). Если мы использовали бы слово «укорененная», то нужно было бы обязательно добавить в чем (в данных), а это уже (укорененная в данных теоретизирование) слишком длинно. Именно

³¹ Ещё до того, как в начале XX в., У. Томас и И. Ф. Знанецкий осуществили свое знаменитое исследование «*The Polish Peasant in Europe and America*» («Польский крестьянин в Европе и Америке») (*Thomas and Znaniecki, 1926*), основанное на анализе текстов, новая немецкая историческая школа Густава Шмоллера и американский институционализм Джона Коммонса начали проводить исследования на основе качественных методов. Причём, что важно отметить, оба эти направления были не какими-то маргинальными, а доминировали в экономической науке этих стран того времени.

поэтому я предлагаю использовать термин «заземленное теоретизирование», который в значительной степени отражает существо и в тоже время не очень длинный. Как и в любых дискурсивно-интерпретативных исследованиях, используя эту методику, мы должны быть очень открыты к получению и анализу любой информации относительно объекта нашего исследования. Так, беседуя с акторами, мы должны давать им возможность говорить в рамках исследуемой темы о том, что они считают в ней значимым, и только изредка мягко направлять их своими вопросами и замечаниями. Самым важным является то, чтобы им было *интересно* делиться с вами своей информацией, а этого можно достигнуть, если беседа не является интервью типа вопрос-ответ, а является скорее обсуждением темы, хотя заранее заготовленные вопросы и могут время от времени задаваться. Акторов для «интервью» мы выбираем не случайно, а направленно, а именно тех, кто непосредственно участвуют в изучаемой деятельности и способны действительно предоставить нам ценную информацию по данной теме. «Выборка» теоретически продолжается до тех пор, пока мы получаем новую, ценную для нас информацию. Мой личный опыт показывает, что «насыщение», т.е. когда мы не получаем новой информации меняя собеседников, при беседах с акторами одного и того же типа, наступает достаточно быстро. Беседы обязательно должны записываться на диктофон. Обязательным также является расшифровка этих записей, т.е. приготовление текстов или «транскриптов». Транскрипты, равно как и собранные документы, тщательно прочитываются и анализируются. В каждом транскрипте и документе выделяются однородные куски, которые помечаются нами как таковые, т.е. кодируются. Куски эти выделяются путем сравнения различных частей текстов, а затем и сами куски сравниваются между собой, т.е. можно сказать, что заземленное теоретизирование применяет сравнительный метод: «При осуществлении и кодировании многочисленных сравнений, у нас начинает формироваться аналитическое видение данных. Мы пишем предварительные аналитические заметки или «памятки» относительно наших кодов и сравнений и любых других идей о данных, располагаемых нами. Через изучение данных, сравнивая их и готовя «памятки», мы определяем идеи, которые наилучшим образом подходят данным и интерпретируют их, как предварительные аналитические категории. Когда возникают вопросы и появляются бреши в наших категориях, мы ищем данные, которые ответили бы на эти вопросы и заполнили эти бреши. <...> По мере того, как мы продвигаемся в интерпретации собранных данных, наши категории, с одной стороны, сращиваются, а с другой стороны, становятся более теоретическими, потому что мы поднимаемся по последовательным уровням анализа. Наши аналитические категории и отношения, которые мы выводим между ними, дают нам концептуальное понимание изучаемого опыта. Таким образом, мы строим разные уровни абстракции непосредственно из данных и затем собираем дополнительные данные для того, чтобы проверить и уточнить возникающие аналитические категории. Наша работа завершается созданием «заземленной теории» (укорененной в данных теории) или (что то же самое) абстрактным теоретическим пониманием изучаемого опыта» (Charmaz, 2006. Р. 3, 4). Именно такая методика исследования позволяет выявить правила и стоящие за ними убеждения, которые и определяют регулярности в поведении сообществ.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Алексеева Т. А. (2000). Современные политические теории. М.: РОССПЭН.
- Арнольд В. И. (2000). Математические эпидемии XX века — опасность для человечества. (http://www.mccme.ru/edu/index.php?ikey=viarn_mat_epidem).
- Арнольд В. И. (2002). Математическая дуэль вокруг Бурбаки. *Вестник Российской Академии наук*, Т. 72, № 3, с. 245-250.
- Аузан А. (2011). Институциональная экономика для чайников. М.: Фэшн Пресс.
- Балацкий Е. В. (2012) Дискурсивная экономика и ее возможности. *Капитал страны*, 11.08.2012. (<http://www.kapital-rus.ru/articles/article/213385>).
- Бреннан Дж. и Бьюкенен Дж. (2005). Причина правил. Конституционная политическая экономия. СПб.: Экономическая школа.
- Бурбаки Н. (1965). Теория множеств. М.: Издательство «Мир».
- Бьюкенен Дж. (1997). Конституция экономической политики. Расчет согласия. Границы свободы. М.: Таурус Альфа.
- Веблен Т. (2006). Почему экономическая наука не является эволюционной дисциплиной? *Истоки: из опыта изучения экономики как структуры и как процесса*. М.: ИД ГУ-ВШЭ, Вып. 6, с. 10–32.
- Горбачева Е. В. (2007). Политический дискурс как механизм формирования государственно-гражданских отношений. Диссертация на соискание ученой степени кандидата политических наук. М.: Российская академия государственной службы при Президенте Российской Федерации.
- Дьюи Дж. (2002). Общество и его проблемы. М.: Идея-Пресс.
- Ефимов В. М. (2007). Предмет и метод интерпретативной институциональной экономики. *Вопросы экономики*, № 8, с. 49–67. (<http://ecsocman.hse.ru/data/987/634/1219/Yefimov-8-07.pdf>).
- Ефимов В. М. (2011а). Дискурсивный анализ в экономике: пересмотр методологии и истории экономической науки. Часть I. Иная методология экономической науки. *Экономическая социология*, Т. 12, № 3, с. 15–53. (http://ecsoc.hse.ru/data/2011/05/31/1234590204/ecsoc_t12_n3.pdf#page=15).
- Ефимов В. М. (2011б). Дискурсивный анализ в экономике: пересмотр методологии и истории экономической науки. Часть II. Иная история и современность. *Вопросы регулирования экономики*, Т. 2, № 3, с. 5-79. (<http://institutional.narod.ru/papers/yefimov.pdf>).
- Кимлика У. (2010). Современная политическая философия. Введение. М.: ВШЭ.
- Леонард Р. (2006). Ценность, знак и социальная структура: метафора «игры» и современное обществознание. *Истоки: из опыта изучения экономики как структуры и как процесса*. М.: ИД ГУ-ВШЭ, Вып. 6, с. 265–300.
- Коммонс Дж. (2012) Институциональная экономика. *Terra Economicus*, Т. 10, № 3, с. 69-76. (<http://ecsocman.hse.ru/data/2012/11/20/1251380341/journal10.3.1-7.pdf>).
- Майровски Ф. (2012). Физика и «маржиналистская революция». *Terra Economicus*, Т. 10, № 1, с. 100-116. (<http://ecsocman.hse.ru/data/2012/05/04/1271948698/journal10.1-9.pdf>).
- Макинтайр А. (2000). После добродетели: Исследования теории

морали. Екатеринбург: Деловая книга.

Маркс К. (2009). Капитал. Том первый. Книга 1: Процесс производства капитала (Главы 1–12). М.: Терра.

Мартьянов В. С. и Фишман Л. Г. (2010). Россия в поисках утопий. От морального коллапса к моральной революции. М.: Издательство «Весь мир».

Милль Дж. С. (2012). Об определении предмета политической экономии и о методе исследования, свойственной ей / Философия экономики. Антология под ред. Д. Хаусмана. М.: Издательство Института Гайдара, с. 55–76.

Моркина Ю. С. (2010). Конструктивизм Б. Латура и С. Вулгара — на пересечении научных дисциплин. *Эпистемология и философия науки*, Т. 24, № 2, с. 130–147.

Мэнкью К. Г. (2007). Принципы экономикс. СПб.: Питер.

Норт Д. (1997). Институты, институциональные изменения и функционирование экономики. М.: Фонд экономической книги «Начала».

Одинцова М. И. (2009). Институциональная экономика. М.: ВШЭ.

Олсон М. (1995). Логика коллективных действий. Общественные блага и теория групп. М.: Фонд Экономической Инициативы.

Резерфорд М. (2012а). Висконсинский институционализм: Джон Р. Коммонс и его студенты. *Terra Economicus*, Т. 10, № 2, с. 32–54. (<http://ecsocman.hse.ru/data/2012/07/20/1265213129/journal10.2-5.pdf>).

Резерфорд М. (2012б). Полевые, тайные и включенные наблюдатели в американской экономике труда: 1900 – 1930. *Terra Economicus*, Т. 10, № 4, с. 91–106. (<http://ecsocman.hse.ru/data/2013/02/11/1251419515/journal10.4-10.pdf>).

Розанваллон П. (2007). Утопический капитализм. История идеи рынка. М.: Новое литературное обозрение.

Русакова О. Ф., (2007). Основные теоретико-методологические подходы к интерпретации дискурса. *Научный ежегодник Института философии и права УрО РАН*. Екатеринбург, Вып. 7, с. 5–34. (<http://www.ifp.uran.ru/files/publ/eshegodnik/2007/2.pdf>).

Русакова О. Ф. и Хмелинин А. А. (2012). Неолиберальный дискурс: стратегии и технологии конструирования новой субъектности. *Научный ежегодник Института философии и права УрО РАН*. Екатеринбург: УрО РАН, Вып. 12, с. 259–271. (http://www.ifp.uran.ru/about/sotr/publ/publ_1172.html).

Руссо Ж.-Ж. (1996). Трактаты. М. Наука.

Сакс Дж. (2012). Цена цивилизации. М.: Издательство Института Гайдара.

Стиглиц Дж. (2011). Крутое пике. Америка и новый экономический порядок после глобального кризиса. М.: ЭКСМО.

Таллок Г. (2011). Общественные блага, перераспределение и поиск ренты. М.: Издательство Института Гайдара.

Торго А. Р. Ж. (1961). Избранные экономические произведения. М.: Соцэкгиз,

Уильямсон О. И. (1996). Экономические институты капитализма. Санкт-Петербург: Лениздат.

Хабермас Ю. (2006). Моральное сознание и коммуникативное действие. Санкт-Петербург: Наука.

Хабермас Ю. (2008). Вовлечение другого. Очерки политической теории. Санкт-Петербург: Наука.

- Хайек Ф. А. (2005). Карл Менгер (1840 – 1921) // Карл Менгер. Избранные работы. М.: Территория будущего, с. 11-56.
- Хайлбронер Р. Л. (1993) Экономическая теория как универсальная наука. *THESIS*, № 1, с. 41–55.
- Ходжсон Д. (2003). Экономическая теория и институты. М.: Дело.
- Шмоллер Г. (2011). К методологии общественно-политических и социальных наук. *Terra Economicus*, Т. 9, № 3, с. 31-49. (<http://ecsocman.hse.ru/data/2011/10/26/1267244108/Terra%209.3-4.pdf>).
- Шмоллер Г. (2012). Справедливость в народном хозяйстве. Разделение труда. М.: Либроком.
- Эггертссон Е. (2001). Экономическое поведение и институты. М.: Дело.
- Энциони А. (1999). Новое золотое правило. Сообщество и нравственность в демократическом обществе // Новая постиндустриальная волна на Западе. Антология. Под редакцией В. Л. Иноземцева. М.: Academia, с. 309–334.
- Энциони А. (2004). От империи к сообществу: новый подход у международным отношениям. М.: Ладомир.
- Amadae S. M. (2003). *Rationalizing Capitalist Democracy. The Cold War Origins of Rational Choice Liberalism*. Chacago: The University of Chicago Press.
- Aspromourgos T. (1996). *On the Origins of Classical Economics: Distribution and Value from William Petty to Adam Smith*. London and New York: Routledge.
- Boisguilbert P. (1966). *Le Détail de la France. La cause de la diminution de ses biens, et la facilité du remède, en fournissant en un mois tout l'argent dont le Roi a besoin, et enrichissant tout le monde. Pierre de Boisguilbert ou la naissance de l'économie politique*, vol. 2. Paris: INED, pp. 581-662.
- Cavalier R. (2011). (Ed.). *Approaching Deliberative Democracy. Theory and Practice*. Pittsburgh: Carnegie Mellon University Press.
- Charle Ch. and Verger J. (2007). *Histoire des universités*. Paris: PUF.
- Charmaz K. (2006). *Constructing Grounded Theory. A Practical Guide Through Qualitative Analysis*. Thousand Oaks: Sage Publications.
- Chavance B. (2012). John Commons's organizational theory of institutions: a discussion. *Journal of Institutional Economics*, vol. 8, no 1, pp. 27–47.
- Coats A. W. (1993). *The Sociology and Professionalization of Economics. British and American Economic Essays*, vol. 2. London and New York: Routledge.
- Commons J. R. (1932). The problem of correlating law, economics and ethics. *Wisconsin Law Review*, vol. 8, December, pp. 3–26.
- Commons J. R. (1934). *Institutional Economics. Its Place in Political Economy*. New York: Macmillan.
- Davis Ph. J. and Hersh R. (1981). *The Mathematical Experience*. Boston: Birkhauser.
- Dewey J. (1916). *Democracy and Education*. New York: Macmillan.
- Dewey J. (1929). *The Quest for Certainty: A study of the Relation of Knowledge and Action*. New York: Minton, Balch.
- Dewey J. (1935). *Liberalism and Social Action*. New York: G.P. Putman's Sons.

- Dewey J.* (1938). *Logic: The Theory of Enquiry*. New York: Henry Holt.
- Dewey J.* (1939). *Theory of Valuation*. Chicago: University of Chicago Press.
- Dewey J. and Tufts J.* (1908). *Ethics*. New York: Henry Holt.
- Dryzek J.S.* (1990). *Discursive Democracy. Politics, Policy, and Political Science*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Dumez H.* (1985). *L'économiste, la science et le pouvoir: le cas Walras*. Paris: PUF.
- Dunn S. P.* (2009). Cambridge Economics, Heterodoxy and Ontology: An Interview with Tony Lawson. *Review of Political Economy*, vol. 21, no 3, pp. 481–496.
- Düppe T.* (2010). Debreu's apologies for mathematical economics after 1983. *Erasmus Journal for Philosophy and Economics*, vol. 3, no 1, pp. 1-32.
- Edgeworth F. Y.* (1881). *Mathematical Psychics: An Essay on the Application of Mathematics to the Moral Sciences*. London: C. Kegan Paul & Co.
- Etzioni A.* (1988). *The Moral Dimension. Towards A New Economics*. New York : Free Press.
- Faccarello G.* (1999). *The foundations of laissez-faire: the economics of Pierre de Boisguilbert*. London and New York: Routledge.
- Faccarello G. and Steiner Ph.* (2002) *The Diffusion of the Work of Adam Smith in the French Language: An Outline History* // In Keith Tribe (Ed.) *A Critical Bibliography of Adam Smith*. London: Pickering and Chatto.
- Garz D.* (2009). *Lawrence Kohlberg — An Introduction*. Opladen & Farmington Hills, MI: Barbra Budrich Publishers,
- Grimmer-Solem E.* (2003). *The Rise of Historical Economics and Social Reform in Germany 1864–1894*. Oxford: Clarendon Press.
- Hecht J.* (1966) *La vie de Pierre le Pesantn Seigneur de Boisguilbert. Pierre de Boisguilbert ou la naissance de l'économie politique*, vol. 1. Paris: INED, pp. 121-244.
- Hodgson G.* (1975). *Trotsky and Fatalistic Marxism*. Nottingham: The Russel Press Ltd.
- Hodgson G.* (1982). *Capitalism, Value and Exploitation. A Radical Theory*. Oxford: Martin Robertson & Company Ltd.
- Hodgson G. M.* (1999). *Economics and Utopia. Why the learning economy is not the end of history*. London and New York: Routledge.
- Hodgson G. M.* (2001). *How Economics Forgot History*. London; New York: Routledge.
- Hodgson G. M.* (2004). *The Evolution of Institutional Economics*. London; New York: Routledge.
- Hodgson G. M.* (2013). *From Pleasure Machines to Moral Communities: An Evolutionary Economics without Homo economicus*. Chicago and London: The Chicago University Press.
- Hurtado J.* (2010). Jean-Jacques Rousseau: économie politique, philosophie économique et justice. *Revue de philosophie économique*, vol. 11, no 2, pp. 69-101.
- Keynes J. M.* (1951) *Essays in Biography*. NY: W.W. Norton & Company Inc.
- López-Pérez R. and Spiegelman L.* (2012). *Do Economists Lie More?* Working Paper 4/2012. Madrid: Universidad Autonoma de Madrid, Departamento de Analisis Economico: Teoria economica e historia economica.

(<http://www.uam.es/departamentos/economicas/analecon/especifica/mimeo/wp20124.pdf>).

Marglin S. F. (2008). *The Dismal Science. How Thinking like an Economist Undermines* New York: Community. Cambridge, MA: Harvard University Press.

Mirowski Ph. and Plehwe D. (eds). (2009). *The Road from Mont Pèlerin. The Making of the Neoliberal Thought Collective*. Cambridge, MA: Harvard University Press.

Nau H. H. (2000). Gustav Schmoller's *Historico-Ethical Political Economy*: ethics, politics and economics in the younger German Historical School, 1860–1917. *European Journal of History of Economic Thought*, vol. 7, no 4, pp. 507–531.

Paley W. (2003). *Principles of Moral and Political Philosophy*. Indianapolis, IN: Liberty Fund, Inc.

Pignol C. and Hurtado J. (2007). *Rousseau: Philosophie et économie*. Paris: L'Harmattan.

Rasmussen D. (2008). *The Problems and Promise of Commercial Society: Adam Smith's Response to Rousseau*. University Park, PA: The Pennsylvania State University.

Rutherford M. (2011). *The Institutional Movement in American Economics, 1918-1947: Science and Social Control*. Cambridge: Cambridge University Press.

Sage E. M. (2009) *A Dubious Science. Political Economy and the Social Question in 19th-Century France*. NY: Peter Lang Publishing, Inc.

Sandel M. (2009). *Justice. What's the Right Thing to Do*. New York: Farrar, Straus and Giroux.

Sandel M. (2012). *What Money Can't Buy: The Moral Limits of Markets*. London: Allen Lane.

Schmoller G. (1905 – 1908). *Principes d'économie politique*. Tomes I – V. Paris: V. Giard & E. Brière.

Schmoller G. (1920). *Grundriss der Allgemeinen Volkswirtschaftslehre*. Erster Teil. Leipzig: Verlag von Duncker & Humblot.

Schmoller G. (1998). *Historisch-ethnische Nationalökonomie als Kulturwissenschaft*. Marburg: Metropolis-Verlag.

Shapin S. and Schaffer S. (1985). *Leviathan and the Air-Pump. Hobbes, Boyle, and the Experimental Life*. Princeton, New Jersey: Princeton University Press.

Sigot N. (2010). *Utility and Justice: French Liberal Economists in the 19th century* // *European Journal of the History of Economic Thought*, vol. 17, no 4, pp. 759-792.

Spector C. (2003). *Rousseau et le critique de l'économie politique* // Bernaude-Vincent B., Bernardi B. (Ed.) *Rousseau et les sciences*. Paris: L'Harmattan, pp. 237-256.

Thomas W. I. and Znaniecki F. (1926). *The Polish Peasant in Europe and America*. 2 vols. New York: Knopf.

Ulrich P. (2010a). *Integrative Economic Ethics. Foundations of a Civilized Market Economy*. Cambridge: Cambridge University Press.

Ulrich P. (2010b). *Zivilisierte Marktwirtschaft. Eine wirtschaftsethische Orientierung*. Bern, Stuttgart, Wien: Haupt Verlag.

Van Langenhove L. (ed.). (2010). *People and Society*. Rom Harré and

Designing the Social Sciences. London; New York: Routledge.

Weintraub E. R. (2002). How Economics Became a Mathematical Science. Durham, London: Duke University Press.

Weintraub E. R. and Mirowski Ph. (1994). The Pure and the Applied: Bourbakism Comes to Mathematical Economics. *Science in Context*, vol. 7, no 2, pp. 245–72.

REFERENCES

Alekseeva T. A. (2000). Modern political theory. M. ROSSPEN. (in Russian).

Arnold V. I. (2000). Mathematical epidemics of the XXth century - the danger to humanity. (http://www.mccme.ru/edu/index.php?ikey=viarn_mat_epidem). (in Russian).

Arnold V. I. (2002). The mathematical duel over Bourbaki. *Herald of the Russian Academy of Sciences*, vol. 72, no. 3, pp. 245-250. (in Russian).

Auzan A. (2011). Institutional Economics for dummies. M.: Fashion Press. (in Russian).

Balatsky E. V. (2012). Discourse economy and its opportunities. *Capital of the country*, 11.08.2012. (<http://www.kapital-rus.ru/articles/article/213385>). (in Russian).

Brennan J. and Buchanan J. (2005). The reason for the rules. Constitutional political economy. St. Petersburg: The School of Economics. (in Russian).

Bourbaki N. (1965). Set theory. M.: Publ. House "Mir". (in Russian).

Buchanan J. (1997). The constitution of economic policy. Calculation of consent. The boundaries of freedom. M.: Taurus Alpha. (in Russian).

Veblen T. (2006). Why economics is not an evolutionary discipline? *Origins: Studying the economy as a structure and process*. M.: Publ. House HSE, vol. 6, pp. 10-32. (in Russian).

Gorbacheva E. V. (2007). The political discourse as a mechanism of state-civil relations formation. Dissertation for the degree of candidate of political sciences. M.: The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration. (in Russian).

Dewey J. (2002). Society and its problems. M.: Idea Press. (in Russian).

Efimov V. M. (2007). Subject-matter and method of interpretive institutional economics. *Voprosy Ekonomiki*, no. 8, pp. 49-67. (<http://ecsocman.hse.ru/data/987/634/1219/Yefimov-8-07.pdf>). (in Russian).

Efimov V. M. (2011a). Towards Discursive Economics: Methodology and history of economics reconsidered. Part 1. Another methodology of economic science. *Economic Sociology*, vol. 12, no. 3, pp. 15-53. (http://ecsoc.hse.ru/data/2011/05/31/1234590204/ecsoc_t12_n3.pdf#page=15). (in Russian).

Efimov V. M. (2011b). Towards Discursive Economics: Methodology and history of economics reconsidered. Part 2. Another history of economics and contemporaneity". *Journal of Economic Regulations*, vol. 2, no. 3, pp. 5-79. (<http://institutional.narod.ru/papers/yefimov.pdf>). (in Russian).

Kymlicka W. (2010). Modern political philosophy. Introduction. M.: HSE. (in Russian).

Leonard R. (2006). Value, sign and social structure: the metaphor of the "game" and the modern social science. *Origins: Studying the economy as a structure and process*. M.: Publ. House HSE, vol. 6, pp. 265-300. (in Russian).

Commons J. (2012). Institutional Economics. *Terra Economicus*, vol. 10, no 3, pp. 69-76. (<http://ecsocman.hse.ru/data/2012/11/20/1251380341/journal10.3.1-7.pdf>). (in Russian).

Mayrovski F. (2012). Physics and "marginalism revolution". *Terra Economicus*, vol. 10, no 1, pp. 100-116. (<http://ecsocman.hse.ru/data/2012/05/04/1271948698/journal10.1-9.pdf>). (in Russian).

McIntyre A. (2000). After Virtue: The studies of the morality theory. Ekaterinburg: Business book. (in Russian).

Marx K. (2009). Capital. Volume One. Book 1: The process of capital production. (Chapters 1-12). M.: Terra. (in Russian).

Martianov V. S. and *Fishman L. G.* (2010). Russia in search of utopia. From the moral collapse to the moral revolution. M.: Publ. House "The whole world". (in Russian).

Mill J. S. (2012). On the definition of the political economy subject and the its research method / Philosophy of Economics. Anthology, ed. J. Hausman. M.: Publ. House of the Gaidar Institute, pp. 55-76. (in Russian).

Morkina Y. S. (2010). Constructivism B. Latour and S. Woolgar - at the intersection of disciplines. *Epistemology and Philosophy of Science*, vol 24. no. 2, pp. 130-147. (in Russian).

Mankiw K. G. (2007). The principles of economics. St. Petersburg: Peter. (in Russian).

North D. (1997). Institutions, institutional change and economic performance. M.: Fond economic book "The Beginnings". (in Russian).

Odintsova M. I. (2009). Institutional Economics. M.: HSE. (in Russian).

Olson M. (1995). The logic of collective action. Public goods and the theory of groups. M.: The Foundation of the Economic Initiative. (in Russian).

Rutherford M. (2012a). Wisconsin institutionalism: John R. Commons and his students. *Terra Economicus*, vol. 10, no 2, pp. 32-54. (<http://ecsocman.hse.ru/data/2012/07/20/1265213129/journal10.2-5.pdf>). (in Russian).

Rutherford M. (2012b). Field, secret and included observers in the American labor economics: 1900 - 1930. *Terra Economicus*, vol. 10, no 4, pp. 91-106. (<http://ecsocman.hse.ru/data/2013/02/11/1251419515/journal10.4-10.pdf>). (in Russian).

Rosanvallon P. (2007). Utopian capitalism. History of the Idea of the market. M.: New Literary Review. (in Russian).

Rusakova O. F. (2007). The main theoretical and methodological approaches to the interpretation of discourse. *Scientific Yearbook of the Institute of Philosophy and Law*, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences. Ekaterinburg, vol. 7, pp. 5-34. (<http://www.ifp.uran.ru/files/publ/eshegodnik/2007/2.pdf>). (in Russian).

Rusakova O. F. and *Khmelinin A. A.* (2012). The neo-liberal discourse: strategies and technologies of designing a new subjectivity. *Scientific Yearbook of the Institute of Philosophy and Law*, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences. Ekaterinburg: Ural Branch of Russian Academy of Sciences, vol. 12, pp. 259-271. (http://www.ifp.uran.ru/about/sotr/publ/publ_1172.html). (in Russian).

Rousseau J.-J. (1996). Treatises. M. Science. (in Russian).

Sachs J. (2012). Price civilization. M.: Publ. House of the Gaidar Institute. (in Russian).

Stiglitz J. (2011). Steep dive. America and the new economic order after the global crisis. M. EKSMO. (in Russian).

Tullock G. (2011). Public goods, redistribution and rent seeking. M.: Publ. House of the Gaidar Institute. (in Russian).

Turgot A. R. J. (1961). Selected economic works. M. Sotsekgiz. (in Russian).

Williamson O. I. (1996). The Economic institutions of Capitalism. St. Petersburg: Lenizdat. (in Russian).

Habermas J. (2006). Moral consciousness and communicative action. St. Petersburg: Nauka. (in Russian).

Habermas J. (2008). The involvement of the other. Essays on political theory. St. Petersburg: Nauka. (in Russian).

Hayek F. A. (2005). Carl Menger (1840 - 1921) // Carl Menger. Selected works. M.: The territory of the future, pp. 11-56. (in Russian).

Haylbroner R. L. (1993). Economic theory as a universal science. *THESIS*, no. 1, pp. 41-55. (in Russian).

Hodgson D. (2003). Economic theory and institutions. M: Business. (in Russian).

Schmoller G. (2011). On the methodology of the social-political, and social sciences. *Terra Economicus*, vol. 9, no. 3, pp. 31-49. ([http://ecsocman.hse.ru/data/2011/10/26/1267244108/Terra% 209.3-4.pdf](http://ecsocman.hse.ru/data/2011/10/26/1267244108/Terra%209.3-4.pdf)). (in Russian).

Schmoller G. (2012). The validity in the national economy. The division of labor. M. Librokom. (in Russian).

Eggertsson E. (2001). Economic behavior and institutions. M: Business. (in Russian).

Etzioni A. (1999). The new golden rule. Community and morality in a democratic society // A new wave of post-industrial in the West. Anthology. Ed. by V. L. Inozemtsev. M.: Academia, pp. 309-334. (in Russian).

Etzioni A. (2004). From Empire to community: A new approach in international relations. M. Ladomir. (in Russian).

Amadae S. M. (2003). Rationalizing Capitalist Democracy. The Cold War Origins of Rational Choice Liberalism. Chacago: The University of Chicago Press.

Aspromourgos T. (1996). On the Origins of Classical Economics: *Distribution and Value from William Petty to Adam Smith*. London and New York: Routledge.

Boisguilbert P. (1966). Le Détail de la France. La cause de la diminution de ses biens, et la facilité du remède, en fournissant en un mois tout l'argent dont le Roi a besoin, et enrichissant tout le monde. *Pierre de Boisguilbert ou la naissance de l'économie politique*, vol. 2. Paris: INED, pp. 581-662.

Cavalier R. (2011). (Ed.). Approaching Deliberative Democracy. Theory and Practice. Pittsburgh: Carnegie Mellon University Press.

Charle Ch. and Verger J. (2007). Histoire des universités. Paris: PUF.

Charmaz K. (2006). Constructing Grounded Theory. A Practical Guide Through Qualitative Analysis. Thousand Oaks: Sage Publications.

Chavance B. (2012). John Commons's organizational theory of

institutions: a discussion. *Journal of Institutional Economics*, vol. 8, no 1, pp. 27–47.

Coats A. W. (1993). The Sociology and Professionalization of Economics. *British and American Economic Essays*, vol. 2. London and New York: Routledge.

Commons J. R. (1932). The problem of correlating law, economics and ethics. *Wisconsin Law Review*, vol. 8, December, pp. 3–26.

Commons J. R. (1934). Institutional Economics. Its Place in Political Economy. New York: Macmillan.

Davis Ph. J. and Hersh R. (1981). The Mathematical Experience. Boston: Birkhauser.

Dewey J. (1916). Democracy and Education. New York: Macmillan.

Dewey J. (1929). The Quest for Certainty: A study of the Relation of Knowledge and Action. New York: Minton, Balch.

Dewey J. (1935). Liberalism and Social Action. New York: G.P. Putman's Sons.

Dewey J. (1938). Logic: The Theory of Enquiry. New York: Henry Holt.

Dewey J. (1939). Theory of Valuation. Chicago: University of Chicago Press.

Dewey J. and Tufts J. (1908). Ethics. New York: Henry Holt.

Dryzek J.S. (1990). Discursive Democracy. Politics, Policy, and Political Science. Cambridge: Cambridge University Press.

Dumez H. (1985). L'économiste, la science et le pouvoir : le cas Walras. Paris: PUF.

Dunn S. P. (2009). Cambridge Economics, Heterodoxy and Ontology: An Interview with Tony Lawson. *Review of Political Economy*, vol. 21, no 3, pp. 481–496.

Düppe T. (2010). Debreu's apologies for mathematical economics after 1983. *Erasmus Journal for Philosophy and Economics*, vol. 3, no 1, pp. 1–32.

Edgeworth F. Y. (1881). Mathematical Psychics: An Essay on the Application of Mathematics to the Moral Sciences. London: C. Kegan Paul & Co.

Etzioni A. (1988). The Moral Dimension. Towards A New Economics. New York: Free Press.

Faccarello G. (1999). The foundations of *laissez-faire*: the economics of Pierre de Boisguilbert. London and New York: Routledge.

Faccarello G. and Steiner Ph. (2002) The Diffusion of the Work of Adam Smith in the French Language: An Outline History // In Keith Tribe (Ed.) A Critical Bibliography of Adam Smith. London: Pickering and Chatto.

Garz D. (2009). Lawrence Kohlberg — An Introduction. Opladen & Farmington Hills, MI: Barbra Budrich Publishers,

Grimmer-Solem E. (2003). The Rise of Historical Economics and Social Reform in Germany 1864–1894. Oxford: Clarendon Press.

Hecht J. (1966) La vie de Pierre le Pesantn Seigneur de Boisguilbert. *Pierre de Boisguilbert ou la naissance de l'économie politique*, vol. 1. Paris: INED, pp. 121–244.

Hodgson G. (1975). Trotsky and Fatalistic Marxism. Nottingham: The Russel Press Ltd.

Hodgson G. (1982). Capitalism, Value and Exploitation. A Radical Theory. Oxford: Martin Robertson & Company Ltd.

Hodgson G. M. (1999). Economics and Utopia. Why the learning economy

is not the end of history. London and New York: Routledge.

Hodgson G. M. (2001). *How Economics Forgot History*. London; New York: Routledge.

Hodgson G. M. (2004). *The Evolution of Institutional Economics*. London; New York: Routledge.

Hodgson G.M. (2013). *From Pleasure Machines to Moral Communities: An Evolutionary Economics without Homo economicus*. Chicago and London: The Chicago University Press.

Hurtado J. (2010). Jean-Jacques Rousseau: économie politique, philosophie économique et justice. *Revue de philosophie économique*, vol. 11, no 2, pp. 69-101.

Keynes J. M. (1951) *Essays in Biography*. NY: W.W. Norton & Company Inc.

López-Pérez R. and *Spiegelman L.* (2012). *Do Economists Lie More?* Working Paper 4/2012. Madrid: Universidad Autonoma de Madrid, Departamento de Analisis Economico: Teoria economica e historia economica. (<http://www.uam.es/departamentos/economicas/analecon/especifica/mimeo/wp20124.pdf>).

Marglin S. F. (2008). *The Dismal Science. How Thinking like an Economist Undermines* New York: Community. Cambridge, MA: Harvard University Press.

Mirowski Ph. and *Plehwe D.* (eds). (2009). *The Road from Mont Pèlerin. The Making of the Neoliberal Thought Collective*. Cambridge, MA: Harvard University Press.

Nau H. H. (2000). Gustav Schmoller's *Historico-Ethical Political Economy*: ethics, politics and economics in the younger German Historical School, 1860–1917. *European Journal of History of Economic Thought*, vol. 7, no 4, pp. 507–531.

Paley W. (2003). *Principles of Moral and Political Philosophy*. Indianapolis, IN: Liberty Fund, Inc.

Pignol C. and *Hurtado J.* (2007). *Rousseau: Philosophie et économie*. Paris: L'Harmattan.

Rasmussen D. (2008). *The Problems and Promise of Commercial Society: Adam Smith's Response to Rousseau*. University Park, PA: The Pennsylvania State University.

Rutherford M. (2011). *The Institutional Movement in American Economics, 1918-1947: Science and Social Control*. Cambridge: Cambridge University Press.

Sage E. M. (2009) *A Dubious Science. Political Economy and the Social Question in 19th-Century France*. NY: Peter Lang Publishing, Inc.

Sandel M. (2009). *Justice. What's the Right Thing to Do*. New York: Farrar, Straus and Giroux.

Sandel M. (2012). *What Money Can't Buy: The Moral Limits of Markets*. London: Allen Lane.

Schmoller G. (1905 – 1908). *Principes d'économie politique*. Tomes I – V. Paris: V. Giard & E. Brière.

Schmoller G. (1920). *Grundriss der Allgemeinen Volkswirtschaftslehre*. Erster Teil. Leipzig: Verlag von Duncker & Humblot.

Schmoller G. (1998). *Historisch-ethnische Nationalökonomie als Kulturwissenschaft*. Marburg: Metropolis-Verlag.

Shapin S. and Schaffer S. (1985). *Leviathan and the Air-Pump*. Hobbes, Boyle, and the Experimental Life. Princeton, New Jersey: Princeton University Press.

Sigot N. (2010). Utility and Justice: French Liberal Economists in the 19th century // *European Journal of the History of Economic Thought*, vol. 17, no 4, pp. 759-792.

Spector C. (2003). Rousseau et le critique de l'économie politique // Bernaude-Vincent B., Bernardi B. (Ed.) *Rousseau et les sciences*. Paris: L'Harmattan, pp. 237-256.

Thomas W. I. and Znaniecki F. (1926). *The Polish Peasant in Europe and America*. 2 vols. New York: Knopf.

Ulrich P. (2010a). *Integrative Economic Ethics. Foundations of a Civilized Market Economy*. Cambridge: Cambridge University Press.

Ulrich P. (2010b). *Zivilisierte Marktwirtschaft. Eine wirtschaftsethische Orientierung*. Bern, Stuttgart, Wien: Haupt Verlag.

Van Langenhove L. (ed.). (2010). *People and Society. Rom Harré and Designing the Social Sciences*. London; New York: Routledge.

Weintraub E. R. (2002). *How Economics Became a Mathematical Science*. Durham, London: Duke University Press.

Weintraub E. R. and Mirowski Ph. (1994). The Pure and the Applied: Bourbakism Comes to Mathematical Economics. *Science in Context*, vol. 7, no 2, pp. 245–72.